

Мысль сія, подкрѣпляемая надеждою, такъ насъ успокоила, что мы, позабывъ свое состояніе, начали разговаривать между собою съ такимъ духомъ, какъ будто бы уже половина дѣла къ нашему освобожденію была сдѣлана; между шѣмъ лодки наши выплыли изъ рѣчки въ заливъ, и когда мы были на верху надежды увидѣли еще свое любезное опечесство, какъ одинъ изъ бывшихъ съ нами солдатъ, опдернувъ рогожи, сдѣлалъ намъ знакъ, не хотимъ ли мы встать и посмотрѣть залива и города. Боже мой! какой для насъ ударъ: съ верху надежды мы въ мигъ погрузились въ пропасть опчаянія! Теперь видно, очень ясно видно, говорили мы другъ другу, что *Японцы* никогда не намѣрены насъ освободить, по сей-то причинѣ ни чего они отъ насъ и не скрываютъ; но какъ ни сильно приключеніе сіе надъ нами подѣйствовало, надежда не совсѣмъ еще насъ оставила: мы вспомнили, что за двадцать лѣтъ предъ симъ въ здѣшній заливъ заходилъ *Рускій* транспортъ, слѣдовательно *Японцамъ* не было причины отъ насъ скрывать то, что *Рускіе* давно уже видѣли и знаютъ. Мысль сія нѣсколько насъ успокоила, но все мы лучше желали бы, чтобъ солдатъ не опдергивалъ рогожекъ, копорыхъ настоящая цѣль была скрыть насъ отъ комаровъ, а не предметы отъ насъ.

Мы пріѣхали въ *Аткисъ* уже ночью и встрѣнены были отрядомъ воинской команды съ фонарями. Насъ ввели въ крѣпость, обыкновенную полосатою бумажною матеріею, и помѣстили въ хорошій очень домъ, чисто внутри прибранный и украшенный живописью на

Японскій вкусъ; для насъ всѣхъ была отведена одна большая комната, въ которой прикрѣплены были къ спѣнамъ доски со вколотенными въ нихъ желѣзными скобами, за кои привязывали концы нашихъ веревокъ. Впрочемъ дали намъ постели и одѣяла (1), накормили ужи-

-
- (1) *Японскія* постели состоятъ въ одномъ большомъ одѣялѣ шелковомъ или бумажномъ, смотря по состоянію чело-
вѣка (намъ давали бумажныя), которое подложено вапою пальца на два и простегано изрѣдка на живую нитку, чтобы можно было вапу вынимать для мытья наволочки: одѣяла сии они згибають вдвое и спедють на полу, которой во всѣхъ *Японскихъ* домахъ и даже въ хижинахъ покрывъ мягкими соломенными машами, весьма чисто и красиво сдѣланными, а ложатся совсѣмъ нагіе, завернувшись въ пребольшой халатъ съ широкими короткими рукавами, сшишой также изъ шелковой или бумажной матеріи и подложенной очень толсто вапою. Въмѣсто подушекъ употребляють они разнымъ образомъ изъ дерева сдѣланныя шпуки. — Простые люди кладуть въ голову круглой кусокъ дерева, совершенно похожій на шѣ, какіе употребляются въ простонародной у насъ игрѣ, называемой *городками*, съ тою только разностію, что *Японцы* съ одного конца на верху дѣлають выемку для вмѣщенія задней части головнаго черепа. Положа на сей отрубковъ голову, безъ всякой мягкой подстилки, спать они отъ привычки, очень покойно. Лучшій же или богатой классъ людей, употребляеть, вмѣсто подушекъ, очень красиво сдѣланные ящики вышиною дюйма въ четыре, на верху коихъ привязана круглая подушка длиною дюймовъ въ шесть или въ восемь, а толщиною въ размѣръ дюйма въ два или въ три. Въ ящикѣ же хранять они вещи своего туалета, какъ то: бритвы, ноженьки, помаду, зубныя кисточки, порошки и прочее.

номъ, связали ноги по прежнему и оставили въ такомъ положеніи до ушра.

17 е число мы днвали въ *Аткисѣ*. Поутру развязали намъ руки на нѣсколько минушъ; а потомъ опять завязали обвертѣвъ ихъ въ больныхъ мѣсахъ шряпницами. Когда веревки были сняшы, шо мы не въ силахъ были сами руки свои привести въ натуральное положеніе, а когда *Японцы* начали ихъ разгибашъ, шо боль была несстерпимая, но еще сдѣлалась сильнѣе, когда опять спали они ихъ завязывашъ. Кормили насъ здѣсь при раза въ день, и дали по бумажному халату на вашъ, чшобъ надѣвашъ сверху во время дожда или онъ холоду. 18 го числа по ушру перевезли насъ чрезъ заливъ на южную спррону онаго къ небольшему селенію, гдѣ накормили завтракомъ и повели далѣе такимъ же порядкомъ, какъ я выше описывалъ. Носилки были съ нами, и кшо изъ насъ хотѣлъ, шощъ могъ ѣхашъ; но конвойные наши всегда шли пѣшкомъ; изрѣдка шолько садилась они на короткое время по очереди на вьючныхъ лошадей. Во все время пушешествія нашего, *Японцы* наблюдали одинъ порядокъ: въ дорогу сбирашъ начинали они до разсвѣшу, завтракали, насъ кормили завтракомъ и отправлялись въ пушь, часто останавливались по селеніямъ отдыхашъ, пили чай и куришъ табакъ; а въ половинѣ дня обѣдашъ, черезъ часъ послѣ обѣда опять шли далѣе и часа за два до захожденія солнца останавливались ночевашъ, и всегда почти въ такомъ селеніи, гдѣ была военная команда; такія мѣста обыкновенно были на случай нашего прихода завѣшиваемы полосапою

бумажною матерією. Отводили для насъ всегда очень хорошій домъ (1) и помѣщали въ одну комнату, но къ скобамъ привязывать не упустили. Приходя на ночлегъ, всякой разъ приводили насъ предъ домъ Начальника и сажали на скамейку, покрытую рогожами. Начальникъ выходилъ, и насъ смотрѣлъ; тогда отводили насъ въ назначенный намъ домъ, и на крыльцѣ разували и мыли намъ ноги теплою водою съ солью; потомъ вводили уже въ нашу комнату, кормили по три раза въ день! но утру передъ вступленіемъ въ дорогу, въ полдень и вечеромъ на ночлегъ;—въ кушаньѣ, какъ при завтракѣ, пакъ обѣдѣ и ужинѣ, не было большой разности, обыкновенныя блюда были: вмѣсто хлѣба сорочинская каша, вмѣсто соли кусочка два соленой рѣдьки, похлѣбка изъ рѣдьки, а иногда изъ какой нибудь дикой зелени или лапша, и кусокъ жареной или вареной рыбы. Иногда грибы въ супѣ; раза два или три давали по яйцу крупно сваренному.—Впрочемъ порціи не назначалось, а всякой ѣлъ, сколько хотѣлъ; обыкновенное пище наше было очень дурной чай безъ сахару—изрѣдка давали *саги*. Конвойные наши точно тоже ѣли, что и мы, и надобно думать, на казенный щетъ, потому, что старшій изъ нихъ на каждомъ поспоѣ съ хозяиномъ расплачивался за всѣхъ.—19 го числа просили мы своихъ спрассажей, чтобъ они на нѣсколько минутъ развязали намъ

(1) Одинъ разъ только въ маленькомъ селеніи помѣстили насъ въ пустой анбаръ, гдѣ прежде хранилось пшено. Жаръ былъ пренесносной, и на полу ползало безчисленное множество червячковъ, которые насъ очень беспокоили

руки, поправивъ тряпицы, на которыхъ засохшая кровь и гной, при малѣйшемъ движеніи трепеи по ранамъ, причиняли намъ чрезвычайную боль. Въ слѣдствіе нашей прозбы, они потчасъ сѣли вокругъ и составили совѣшъ (1); рѣшено было удовлетворить насъ съ тѣмъ однакожь условіемъ, чтобы прежде имъ насъ обыскашъ и отобрашъ всѣ мешаллическія вещи; хотя мы еще въ крѣпости были обысканы, но они желали повторить эту осторожность. На требованіе ихъ мы охотно согласились, а они, обыскивая насъ, взяли и кресты наши; но ключей, бывшихъ у меня въ карманѣ исподняго плащя, ощупашъ не могли; а я показалъ оныя, когда мнѣ развязали руки. Это привело ихъ въ великое изумленіе, и снова начали меня обыскивать, не оставось ли еще чего нибудь. Осторожность или, лучше сказать, трусость ихъ была такъ велика, что они не хошѣли развязать насъ всѣхъ вдругъ, а только по два человѣка, и не болѣе какъ на четверть часа; потомъ, перебѣнивъ тряпицы, опять завязывали. Сего дня догналъ насъ посланный изъ *Кунашира* чиновникъ (2) и

(1) Конвойные наши были солдаты Княжества *Намбу*. Они всѣ были въ одномъ званіи, и хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ принимали приказы отъ старшаго изъ нихъ, но вообще въ такихъ обстоятельствахъ, которыя выходили изъ обыкновеннаго порядка, все дѣлали съ общаго совѣта.

(2) Мы тогда его считали чиновникомъ по опличному плащю и по почтенію, какое оказывали ему наши конвойные; но послѣ узнали, что онъ былъ солдатъ Императорской службы, а не Княжеской; слѣдовательно противъ Княжескихъ воиновъ имѣлъ старшинство и большія преиму-

принялъ начальство надъ нашимъ конвоемъ. Съ нами обходился онъ весьма ласково и на другой день (20 числа) велѣлъ развязать кисти у рукъ совсѣмъ, оставивъ веревки только выше локтей. Тогда мы въ первой разъ нашего плѣна ѣли собственными своими руками. Послѣ сего мы уже шли свободнѣе; мѣстами только переѣзжали съ мыса на мысъ водою на лодкахъ; тогда опять на это время намъ руки связывали; но такіе переѣзды были невелики и нечасто случались. Японцы такъ были ошорожны, что никогда почти не подпускали насъ близко воды; а когда мы просили ихъ позволить намъ въ малую воду идти подлѣ самаго моря по той причинѣ, что по твердому песку легче идти, то они съ великимъ шрудомъ на это соглашались и всегда шли между нами и моремъ, хотя бы для сего нужно было имъ идти и по водѣ. Они не только сберегали насъ отъ самоубійства, но и отъ болѣзней: никогда не позволяли намъ мочить ногъ и черезъ самыя мѣлкія рѣчки и ручьи приказывали работникамъ, какъ насъ офицеровъ, такъ и мащрововъ переносить на себѣ; даже сначала не позволяли намъ по дорогѣ собирать и ѣсть самую спѣлую малину и землянику, говоря, что эти ягоды вредны здоровью; пока мы не увѣрили ихъ, что надъ Русскими онъ имѣющъ прошивное дѣйствіе.

21 и 22е число мы провели въ одномъ небольшомъ селеніи, гдѣ былъ однакожъ Начальникъ и военная коман-

дства; почему они и уважали его, какъ своего начальника. Онъ даже занималъ особенную комнату и ѣлъ вмѣстѣ съ ними.

да. Разлившаяся отъ дождя рѣка препятствовала намъ продолжать путь. Тутъ былъ лекаръ, которому приказано было лечить намъ руки; для сего онъ употреблялъ порошокъ, весьма похожій на обыкновенныя бѣлила, коимъ присыпалъ раны, и пластырь лилового цвѣта, неизвѣстно мнѣ изъ чего сдѣланной, которой прикладывалъ къ опухлымъ и затвердѣвшимъ мѣстамъ пальцевъ и рукъ. Мы скоро почувствовали облегченіе отъ его лекарствъ, которыми онъ насъ снабдилъ и въ дорогу.

Получивъ облегченіе въ рукахъ, мы могли уже покойнѣе спать и легче идти; а когда успавали, то сидились въ носилки и ѣхали довольно покойно, не чувствуя ни какой большой боли. *Японцы* спали обходясь съ нами гораздо ласковѣе. На нѣкоторыхъ постояхъ начальники селеній приходили къ намъ, сидѣли у насъ по нѣсколько часовъ и спрашивали о *Лаксманѣ* и бывшихъ съ нимъ *Рускихъ*, которыхъ нѣкоторые изъ *Японцевъ* помнятъ очень хорошо. Также и о *Резановѣ* иногда говорили; хвалили ихъ и обнадеживали насъ, что *Японское* Правительство держашъ насъ не спанешъ и со временемъ отпустишъ. Странно намъ казалось, что во всю дорогу ни одинъ человекъ изъ *Японцевъ* никогда ни слова не спросилъ насъ о нѣхъ судахъ, которыя на нихъ сдѣлали нападеніе, ни о командирахъ сихъ судовъ; даже стороною не намѣкалъ никто о томъ, хотя впрочемъ весьма часто говорили они съ нами о другихъ извѣстныхъ имъ *Рускихъ* и о бывшихъ въ *Россіи Японцахъ*, которые, сказывали

они, весьма хорошо относясь о приѣмѣ и обхожденіи съ ними въ нашемъ отечествѣ. Мы не могли согласишься, кою изъ двухъ причинъ приписать такую ихъ скромность: тому ли, что они не хотѣли приводить насъ въ опечаленіе и тѣмъ не заставить покуситься на жизнь свою напоминаніемъ о такихъ противъ ихъ поступкахъ нашихъ соотечественниковъ, за которые мы не имѣемъ права ожидать большой благодарности, или тому, что такими вопросами не хотѣли заставить насъ краснѣть за зло, сдѣланное не нами. Впрочемъ какъ Начальники въ селеніяхъ, гдѣ мы проходили, такъ граждане и народъ вообще хорошо съ нами обходились. При входѣ и выходѣ изъ каждаго селенія, мы окружены были обо-его пола и всякаго возраста людьми, которые спекались изъ любопытства насъ видѣть; но ни одинъ человѣкъ не сдѣлалъ намъ никакой обиды или насмѣшки; а всѣ вообще смолчали на насъ съ сдержанностію и даже съ видомъ непришворной жалости, особливо женщины; когда мы спрашивали пищу, то они на перерывъ другъ противъ друга старались намъ услужить. Многіе просили позволенія у нашихъ конвойныхъ тѣмъ нибудь насъ поподчивать, и коль скоро получали согласіе, то приносили *sagou*, конфекты, плоды или другое что нибудь; Начальники же неоднократно присылали намъ хорошаго чаю и сахару (1). Они насъ нѣ-

(1) Японцы имѣютъ свой чай зеленой и черной. Последний изъ нихъ очень дуренъ: кромѣ цвѣту въ немъ нѣтъ ничего похожаго на Китайскій обыкновенный чай, ни вкусу,

сколько разъ спрашивали о *Европейскомъ* народѣ, называемомъ *Орандо* и о землѣ *Кабо*; мы ошвѣчали, что такихъ именъ въ *Европѣ* нѣтъ и не знаемъ. Они крайне этому удивлялись и показывали видъ неудовольствія, что мы имъ такъ ошвѣчаемъ. Мы послѣ уже узнали, что *Японцы* называютъ *Голландцевъ*, *Орандо*, а *Мысъ Доброй Надежды*, *Кабо*; причиною того, что мы ихъ не понимали, спастись можешь, было невѣжество нашего переводчика *Алексѣя*; только мы весьма жалѣли, что подали имъ поводъ сомнѣваться и подозрѣвать насъ, будто мы пришиворемся и не хотимъ сказывать того, что сами знаемъ, ибо о *Японцахъ* мы начали мыслить лучше и думали, что бывъ раздражены дурными поступ-

ни запаху. *Японцы* пьютъ его, когда пить захочется, какъ мы квасъ, теплой или горячій; только безъ сахару; а зеленой чай пьютъ изрѣдка, какъ лакомство. Сперва поджариваютъ или подогрѣваютъ его на огнѣ въ бумажной коробочкѣ, пока онъ не пуститъ крѣпкаго запаха; потомъ кладутъ его въ мѣдной чайникъ кипящей воды; отъ сего чай ихъ получаетъ особенной вкусъ и запахъ, для насъ очень непріятной, но *Японцамъ* онъ нравится. Головнаго сахару у нихъ нѣтъ, а лучший сорть песку привозятъ *Голландцы*. Онъ продается весьма дорого въ небольшихъ круглыхъ коробочкахъ. Есть у нихъ и свой сахарной песокъ, только онъ очень грязенъ, черенъ и несладокъ. *Японцы* рѣдко пьютъ чай съ сахаромъ, а любятъ просто ѣсть его: положи на ладонь ложку сахару, берущъ въ ротъ, какъ маленькія дѣти; когда мы подчивали своихъ караульных присылаемымъ намъ въ гостинецъ сахаромъ, то они всегда съ большими комплеменстами отговаривались, а ночью, лишь только мы засыпали, они все съѣдали до чиста.

ками нѣкоторыхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, они съ нами поступили сначала весьма жестоко. Но не получа еще ни какого удовлетворительнаго объясненія отъ насъ на сіе дѣло, начинаютъ уже перемѣнять свое обхожденіе съ нами къ лучшему; слѣдовательно если мы увѣримъ ихъ, что поступки прежнихъ *Рускихъ* судовъ были противны волѣ нашего Правительства, каковы они и дѣйствительно были, то *Японцы*, кажется, насъ отпустятъ. Намъ казалось легко это сдѣлать, и мы уже начинали ласкать себя надеждою, что непременно успѣемъ въ томъ и возвратимся въ свое отечество.

Японцы часъ отъ часу становились къ намъ ласковѣе. Узнавъ отъ *Алексы*, что положенную въ кадкѣ картинку рисовалъ *Г. Муръ*, они просили его нарисовать имъ *Руской* корабль; онъ, полагая, что однимъ рисункомъ дѣло и кончится, потщился сдѣлать имъ очень хорошую картинку, и чрезъ это выигралъ то, что ему ослабили веревки на локтяхъ; но за то безпрестанно просили, то томъ, то другой нарисовать имъ корабль. Работа эта для него одного была очень трудна, и *Г. Хлѣбниковъ* спалъ ему помогаетъ; а я, не умѣя рисовать, писалъ имъ на вѣерахъ что нибудь: всѣ они нетерпѣливо желали, чтобы у нихъ на вѣерахъ было написано, что нибудь по *Руски*, и просили насъ неотступно, не только для себя, но и для знакомыхъ своихъ; другіе изъ нихъ приносили вѣровъ по десяти и болѣе вдругъ, чтобы мы написали имъ *Рускую* азбуку, или *Японскую* азбуку *Рускими* слогами, или щепъ

Руской, либо наши имена, пѣсню или что намъ самимъ угодно. Они скоро примѣтили, что *Гг. Мурбъ и Хлѣбниковъ* писали очень хорошимъ почеркомъ, а я дурно, и потому безпрестанно къ нимъ прибѣгали, а меня только тогда просили, когда мѣ были заняты. *Японцы* было и машрововъ просили писать имъ на вѣрахъ, но крайне удивились, когда они ошозвались неумѣніемъ (1). *Японцы* почтиваютъ *Руское* писаніе такою же рѣдкостію, какъ и мы восточныя рукописи; они показали намъ вѣрь, на которомъ написано было четыре строки пѣсни: *Ахъ! скучно мнѣ на тужой сторонѣ*; и подписано какимъ-то *Бабиковымъ*, бывшимъ здѣсь съ *Лаксманомъ*. Тому 20 лѣтъ, какъ они здѣсь были, но вѣрь чистъ и новъ совершенно; хозяинъ онаго хранилъ его въ нѣсколькихъ

-
- (1) *Японцы* употребляютъ два способа писанія: одинъ *Китайской*, въ которомъ почти всякое слово означаетъ особеннымъ знакомъ. Знаки сіи, по словамъ *Японцевъ*, они заимствовали около тысячи лѣтъ тому назадъ изъ *Китая*, такъ, что названіе какой либо вещи, хотя совершенно различно выговаривается на *Китайскомъ* и *Японскомъ* языкахъ, но пишется однимъ знакомъ. Сей способъ употребляется въ лучшихъ сочиненіяхъ, въ официальныхъ бумагахъ и вообще въ перепискѣ между людьми хорошаго состоянія. — Второй способъ—*алфавитомъ*, въ которомъ у *Японцевъ* 48 буквъ, и посредствомъ коего пишешь простой народъ. Въ *Японіи* нѣтъ человека, впрочемъ какого бы низкаго состоянія онъ ни былъ, который не умѣлъ бы писать симъ способомъ, и потому — то они удивлялись, какимъ образомъ изъ 4 человекъ нашихъ машрововъ ни одинъ не умѣлъ писать.

листахъ бумаги, и едва позволяешъ до него допро-
нущся. Во всю дорогу мы имъ исписали нѣсколько
сотъ вѣровъ и листовъ бумаги; надобно сказать од-
накожъ, что они никогда не принуждали насъ писать,
но всегда просили самымъ учпивымъ образомъ, и послѣ
не упускали благодарить, поднеся написанной листъ
ко лбу и наклоняя голову; а часпо въ благодарность
подчивали чѣмъ нибудь, или дарили хорошаго куришель-
наго шабаку. Когда у насъ развязали руки, то *Японцы*
стали давать намъ шабакъ куришь изъ своихъ рукъ,
опасаясь вѣрить намъ трубки, чшобъ мы чубукомъ
не умерщвили себя; но послѣ, наскучивъ эшимъ, сдѣла-
ли совѣтъ и рѣшились дать самимъ намъ трубки, съ
такою только осторожностію, что на концахъ чубу-
ковъ подлѣ мушпука насадили деревянные шарики, око-
ло куриного яйца величиною; но когда мы засмѣявшись
показали имъ знаками, чшо съ помощію сего шарика
легче подавиться, нежели проспымъ чубукомъ, тогда
они и сами стали смѣяться и ведѣли *Алексѣю* сказать
намъ, чшо *Японской* законъ повелѣваетъ имъ брать
всѣ возможныя осторожности, чшобъ находящіяся подѣ
арестомъ не могли лишитъ себя жизни.

Любопытство *Японцевъ* было шоль велико, что
они на всякомъ постѣ почти безпрестанно насъ раз-
спрашивали, какъ напримѣръ: имена наши, какихъ мы
лѣтъ, сколько у насъ родни, гдѣ, изъ чего и какъ сдѣ-
ланы бывшія тогда при насъ вещи и прочее, и всѣ на-
ши отвѣты записывали. Болѣе же всего любопытство-
вали они знать *Рускія* слова, и почти каждой изъ нихъ

составляя для себя лексикончикъ, отбирая названія разнымъ вещамъ, по ошъ насъ, по ошъ мапировъ. Замѣшивъ это, мы заключили, что они дѣлають сѣ не изъ любопытства, а по приказанію начальства; слѣдовательно въ ошѣтахъ своихъ должны мы были наблюдать ошорожность.

Іюля 29 и 30 числа мы пробыли на одномъ мѣстѣ. Сначала *Японцы* сказали намъ, что по причинѣ болѣзни, приключившейся нѣкоторымъ изъ нашихъ конвойныхъ, намъ не лѣзя идти далѣе; но минушы чрезъ двѣ Начальникъ селенія объявилъ, что недоспашокъ въ людяхъ для нашего подъему препятствуешь продолжашъ пущъ; но коль скоро сберущъ людей, то здѣсь живъ не будемъ. Изъ сего разногласія заключили мы, что *Японцы* насъ обманывають, и что другая какая нибудь причина заставляешь ихъ медлишь. Сѣ дѣйствительно вскорѣ подтвердилось: *Алексѣй* узналъ ошъ нѣкоторыхъ изъ *Курильцевъ*, что въ городѣ *Хакодаде*, куда насъ ведутъ, неготовъ еще домъ для нашего помѣщенія, и пошому изъ онаго города присланы съ повелѣніемъ остановишь насъ, навстрѣчу намъ Чиновники, которые, числомъ шрое (1), къ намъ и явились, объявя о себѣ, что присланы ошъ *Хакодадейскаго* Начальника насъ встрѣишь для препровожденія въ городъ и надзирашь, чтобы на дорогѣ мы не имѣли ни

(1) Мы тогда ихъ считали чиновниками, но они были, не что иное какъ Императорскіе солдаты, о коихъ я выше упоминалъ.

въ чемъ нужды. Старшій изъ нихъ, по имени *А-манда-гоонзо*, обошелся съ нами весьма ласково, и во всю дорогу почти былъ при насъ неоплучно. Съ прибытіемъ ихъ къ намъ, содержатъ насъ столѣмъ спали гораздо лучше. *Гоонзо* увѣрялъ, что по прибытіи въ *Хакода-де*, мы будемъ помѣщены въ хорошій домъ, впрочемъ для насъ приготовленной и убранной, веревки съ насъ снимутъ, будутъ содержать насъ очень хорошо, и многіе изъ господъ спанутъ съ нами, знакомиться и приглашать къ себѣ въ гости. Такіе рассказы намъ казались одними пустыми утѣшеніями, когда мы помышляли, что насъ ведутъ связанныхъ веревками, какъ преступниковъ; но съ другой стороны, слышавъ, что *Японцы* и своихъ Чиновниковъ, когда берутъ подъ арестъ (правы ли они или виновны послѣ окажутся), всегда ихъ вяжутъ (1); слѣдовательно, разсуждали мы, намъ не должно сравнивать ихъ обычаи съ *Европейскими*, и изъ сего заключать, что хорошаго состоянія люди не могутъ съ нами быть въ обществѣ; припомъ *Гоонзо* умѣлъ такъ хорошо съ нами обходиться, что мы ему болѣе вѣрили, нежели собственнымъ своимъ умствованиямъ, основаннымъ только на томъ, что видѣли кругомъ себя. Кромѣ сихъ Чиновниковъ еще одинъ въ то же время къ намъ присоединился: онъ былъ настоящій

(1) Связывать веревками, въ такомъ обыкновеніи у *Японцевъ*, какъ то мы послѣ узнали, что въ училищахъ мальчикамъ за лѣносность или за шалости, связываютъ въ наказаніе руки назадъ на нѣкоторое время, смотрѣ по важности вины.

офицеръ службы *Князя Намбусакаго*; въ знакъ опличія, за нимъ носили копье съ лошадинымъ хвостомъ, и хотя всѣ прочіе оказывали ему особенное почтеніе и получали отъ него приказанія, но должность его, какъ мы замѣтили, болѣе состояла въ содержаніи караула за нами; продовольствіе же наше зависѣло отъ присланныхъ изъ *Хакодаде*. Изъ товарищей *Гоонза* одинъ былъ молодой, скромной, пріятной въ обращеніи человѣкъ: онъ обходился съ нами очень учтиво и съ болѣею ласковостію, а другой старикъ, которой никогда съ нами не говорилъ, но всегда, глядя на насъ, улыбался и съ величайшимъ вниманіемъ слушалъ, когда мы разговаривали между собою: почему мы и спали подозрѣвая, что онъ изъ числа *Японцевъ*, бывшихъ въ *Россіи*, умѣетъ говорить по *Руски* и опредѣленъ къ намъ нарочно подслушивать, что мы говоримъ. Подозрѣніе сіе казалось намъ тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что конвойные наши никогда не сказывали намъ, что у нихъ въ *Матсмаѣ* есть люди, знающіе *Руской* языкъ, но въ одномъ селеніи на постой, писарь Начальника почтоуху намъ сказалъ объ нихъ.

Съ того времени, какъ мы встрѣтили *Гоонза*, *Японцы* стали дѣлать между нами различіе: всегда когда мы останавливались, насъ сажали на одну скамейку, а матрозамъ на другую; и маты намъ подстилали лучше, а имъ похуже, и гдѣ позволялъ домъ, намъ отводили особливую отъ нихъ комнату, но въ пищѣ никакой разности не было.

Августа 7 попался намъ на встрѣчу одинъ изъ глав-

ныхъ *Матсмайскихъ* Чиновниковъ, ѣхавшій на островъ *Кунаширъ* для изслѣдованія на мѣстѣ всѣхъ обстоятельствъ, по нашему дѣлу случившихся; сперва мы встрѣтили его свиту и тотчасъ получили повелѣніе возвратиться. Это весьма много насъ обрадовало: мы думали, что *Матсмайскій* Губернаторъ отправилъ сего Чиновника узнать почти всѣ подробности производствъ, случившихся между нами и *Японцами* на островѣ *Кунаширъ*, и вѣроятно удостовѣрившись въ дружескомъ нашемъ къ нимъ расположеніи, они отпустили насъ нынѣшнимъ же лѣтомъ на лодкѣ къ своимъ островамъ; но надежда наша была неосновательна и непродолжительна: скоро мы узнали, что насъ велѣно воротить только въ ближнее селеніе, гдѣ помѣнуемый Чиновникъ хотѣлъ посмотрѣть насъ; но послѣ перемѣнилъ свое намѣреніе и велѣлъ остановиться на дорогѣ. Онъ сидѣлъ въ бесѣдкѣ (1) съ двумя другими Чиновниками; подлѣ бесѣдки стояло нѣсколько человекъ его свиты. Насъ посадили противъ его на доску, положенную на два куска дерева и покрытую рогожками. Онъ спросилъ наши имена, сколько намъ лѣтъ, роду лѣтъ и здоровы ли мы. Вопросы его и наши отвѣты записалъ бывшій съ нимъ Чиновникъ, которой при семъ случаѣ, кажешся, исправлялъ должность Секретаря. Потомъ, пожелавъ намъ щасливаго пути, онъ

(1) Вездѣ по дорогамъ въ *Японскихъ* владѣніяхъ, на каждаго ч-тырехъ или пяти верстахъ сдѣланы для удобности путешественниковъ бесѣдки и шалаши.

велѣлъ намъ вести далѣе. Скоро послѣ сего поднялись мы на гору, и увидѣли обширную долину, а вдали городъ *Хакодаде*. Потомъ, спустившись съ горы, пришли мы на послѣдній ночлегъ въ селеніе, называемое *Онно*. Сіе селеніе есть величайшее изъ всѣхъ, чрезъ которыя мы проходили и по мѣстному своему положенію самое лучшее. Оно находится въ обширной долинѣ, имѣющей въ окружности верстъ 25 или 30; съ трехъ сторонъ окружена она высокими горами, защищающими ее отъ всѣхъ холодныхъ вѣтровъ, а съ южной стороны находится *Хакодадейская* гавань и *Тынгарской* проливъ. Долина орошается множествомъ небольшихъ быстро текущихъ рѣчекъ и ручьевъ. Селеніе *Онно* состоитъ, такъ сказать, въ саду: каждый домъ имѣетъ при себѣ обширный огородъ и садъ. Кромѣ всякаго рода обыкновенной въ *Европѣ* огородной зелени, мы видѣли, и деревья съ плодами: яблони, груши, персиковое дерево, а сверхъ того мѣстами коноплю, табакъ и сорочинское пшено. *Онно* находится верстахъ въ семи отъ *Хакодаде*. Здѣсь неизлишнимъ будетъ замѣтить, на счетъ многочисленнаго и трудолюбиваго *Японцевъ*, что по всему берегу, по коему мы шли, протягивающемуся почти на 1100 верстъ (1), нѣтъ ни одного залива, ни одной заводи или даже изгибу берега, гдѣ бы не было многочисленныхъ селеній; даже между селеніями на дѣшнее время

(1) Японцы считаютъ отъ *Кунашира* до *Хакодаде* берегомъ 255 *ри*, изъ коихъ каждая имѣетъ съ небольшимъ 2000 сажень нашей мѣры.

становятся шалаши, въ которыхъ живутъ люди. Всѣ они вообще занимаются рыбною ловлею; добываемую рыбу солятъ и сушатъ; также достаютъ морскія раковины и сушатъ ихъ; равнымъ образомъ собираютъ приносимое къ берегу въ великомъ количествѣ морское растеніе, называемое *Рускими* въ томъ краю, *морскою капустою*, кошорую разстилая на песокъ, сушатъ; потомъ складываютъ въ кучи, похожія на сѣнные копны, и покрываютъ рогожами, пока не прійдетъ время грузить оную въ суда, для отправленія въ порты главнаго ихъ острова *Нифона*. Море ничего не производитъ такого, чего бы *Японцы* не ѣли: всякаго рода рыба, морскія животныя, раковины, растенія морскія, права, растущая на камняхъ — все это употребляется ими въ пищу; и потому - то великое множество людей занимается безпрестанно прибрежными промыслами для прокормленія невѣроятнаго народонаселенія *Японіи*. Верстахъ во 150 или 200 отъ *Хакодаде* кончатся *Курильскія* селенія, а начнутся *Японскія*; ихъ разделяетъ небольшая, но весьма быстрая рѣка, чрезъ которую мы, по причинѣ недавно бывшихъ дождей, съ небольшимъ трудомъ могли перѣхать. *Курильскія* селенія большею частію невелики, и состоятъ изъ хижинъ; нѣтъ при нихъ ни огородовъ, ни садовъ; и вообще имѣютъ онѣ видъ бѣдности; одни только *Японскіе* домики между ими, въ которыхъ живутъ Начальники или приставы *Японскіе* и прикащики, надзирающіе надъ промыслами, порядочно построены, содержатся очень опрятно и окружены огородами и садами. *Японскія*

селенія, напротивъ того, имѣють совсѣмъ другой видъ: онѣ очень обширны, расположены правильно улицами, строеніе все деревянное (1) но весьма чисто оштѣланое; при всякомъ домѣ есть огорода, а при нѣкоторыхъ и садикъ; въ улицахъ и въ домахъ опрятность удивительная; народъ гораздо живѣе и на всѣхъ лицахъ замѣтно удовольствіе; впрочемъ и о *Курильцахъ* нельзя сказать, чтобъ они казались печальными; вообще *Матсмайскіе Курильцы* довольно высоки, смѣлы, проворны и гораздо виднѣе и мужественнѣе нежели наши *Курильцы*, или тѣ, которые обитають на островахъ *Итурупъ* и *Кунаширъ* (2).

Августа 8го поутру конвойные наши стали приговариваться къ церемоніальному входу въ городъ, надѣли

(1) Во всей *Японіи* нѣтъ другаго строенія кромѣ деревяннаго. *Японцы* нѣсколько разъ намъ говорили, что они могли бы и каменные дома строить, не хуже другихъ народовъ, но землетрясенія, часто у нихъ бывающія, того не позволяютъ.

(2) *Курильцы* острова *Матсмай* отчасти особенной народъ отъ жителей другихъ *Курильскихъ* острововъ, и имѣють свой языкъ, въ которомъ хотя и есть много *Курильскихъ* словъ, но *Курильцы* ихъ понимать не могутъ. *Алексѣй* и жители острововъ *Итурупа* и *Кунашира* совершенно разумѣли другъ друга, но съ *Матсмайскими Курильцами*, онъ съ большимъ трудомъ объяснялся, а иногда и понималъ ихъ не могъ; но въ томъ, что всѣ они нѣкогда составляли одинъ и тотъ же народъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія: наружный видъ, обычаи и множество сходныхъ словъ въ ихъ языкахъ, слишкомъ достаточно въ томъ свидѣтельствуютъ.

они новое платье, латы и военные свои шляпы. Завтракъ намъ дали гораздо лучше обыкновеннаго, а именно курицу въ соусѣ съ зеленою, очень хорошо пригошювленную, что у нихъ почитается однимъ изъ самыхъ лакомыхъ кусковъ, а это не добро предвѣщало: мы еще прежде нѣсколько разъ замѣтили въ дорогѣ, что если *Японцы* должны были сдѣлать для насъ что нибудь непріятное, то всегда прежде подчивали, лучше пропивъ обыкновеннаго, и въ семь случаевъ точно такъ было. Лишь только кончили мы свой завтракъ, какъ *Намбуцкіе* солдаты, отправленные съ нами изъ *Кунашира*, посредствомъ своего *Курильскаго* переводчика и нашего *Алексѣя*, по обыкновенію своему, торжественнымъ образомъ (1) объявили намъ, что къ великому ихъ сожалѣнію, они не могутъ насъ ввести въ городъ иначе, какъ завязавъ намъ руки по прежнему, такъ точно, какъ мы были отправлены изъ *Кунашира*, и тотчасъ приступили къ дѣлу безъ дальнихъ обиняковъ. *Тоонзо* съ своими поварищами и *Намбуцкій* офицеръ, узнавъ о семъ, не хотѣли, чтобъ руки у насъ были завязаны назадъ, но солдаты не соглашались на

(1) Когда *Японцы* хотѣли о чемъ либо насъ извѣстить, то всегда дѣлали это съ нѣкоторою важностію и торжественно: сами становились въ рядъ противъ насъ, переводчикъ ихъ и нашъ *Алексѣй* становились на колѣна между нами и нами; потомъ провозглашаемо было, чтобы всѣ предстѣящіе молчали, и тогда уже старшій изъ нихъ начинать объяснять дѣло тихимъ голосомъ и медленно своему переводчику, шопъ *Алексѣю*, а онъ намъ.

это и дѣлали свои представленія съ учтивостію. Тутъ у нихъ начался споръ, которой продолжался болѣе чепверти часа. Солдаты часто упоминали *Кунаширскаго* Начальника, (надобно думать, что они ссылались на его приказаніе: непременно доставишь насъ въ *Хакодаде* связанныхъ) и настаивали въ своемъ; но *Гоонзо* отпиралъ съ донесеніемъ о семъ дѣлѣ въ *Хакодаде* нарочнаго, который насъ встрѣшилъ верстахъ въ двухъ или трехъ отъ *Онно* съ повелѣніемъ развязать намъ опять руки, что въ ту же минуту и было исполнено. Не доходя верстъ трехъ до города, мы остановились въ одномъ домикѣ ожидать пока пришлоуть повелѣніе вести насъ; между тѣмъ изъ *Хакодаде* вышло великое множество обоего пола и всякаго возраста людей. Изъ мужчинъ нѣкоторые были верхами въ шелковомъ платьѣ; одежда ихъ и уборъ на лошадяхъ показывали, что они люди хорошаго состоянія. Наконецъ насъ повели скоро послѣ полудня съ большимъ парадомъ между многочисленнаго спеченія народа, которымъ обѣ стороны дороги были устланы. Зрители были весьма скромны: я нарочно примѣчалъ, съ какимъ видомъ они на насъ смотрѣли; но не замѣтилъ ни у кого изъ нихъ на лицѣ какого либо суроваго виду или показывающаго презрѣніе или ненависть къ намъ; а чтобы дѣлать, какія обиды или насмѣшки, то и похорожаго на это не было. Наконецъ ввели насъ въ городъ, гдѣ народу было еще болѣе, такъ, что конвойные наши съ трудомъ могли очищать дорогу. Пройдя городомъ съ полверсты по одной длинной, весьма узкой улицѣ, поворотили мы на лѣво въ переулокъ,

которой велъ въ чистое поле. Тутъ, на возвышенномъ мѣстѣ, увидѣли мы определенное для насъ зданіе; видѣ онаго поразилъ меня ужасомъ. Мы могли видѣть только длинную его крышку, судя по коей можно было заключить о пространствѣ онаго; самое же строеніе было закрыто отъ взора нашего деревянною стѣною, которую *украшали* большія желѣзныя рогащкі, а кругомъ стѣны обведенъ былъ немного пониже ея земляной валъ, обвѣшанной на сей случай полосатою матеріею; подлѣ воротъ былъ караульный домъ, въ коемъ сидѣли Чиновники; а отъ караульнаго дома по дорогѣ, гдѣ мы шли, стояли солдаты въ полномъ воинскомъ уборѣ, въ разстояніи сажень двухъ одинъ отъ другаго, и съ разнымъ оружіемъ какъ-то: одинъ съ ружьемъ, другой съ стрѣлами, третій съ копьемъ. и ш. д. Офицеры были передъ фрунтомъ. Въ воротахъ принималъ насъ отъ конвойныхъ нашихъ по списку какой-то Чивоввиатъ и велѣлъ вести далѣе на дворъ. Вошъ тушъ-то открылся глазамъ нашимъ весь ужасъ предназначеннаго намъ жилища. Мы увидѣли большой почти совсѣмъ темной сарай, въ которомъ стояли изъ толстыхъ брусевъ сдѣланныя клѣшки, совершенно подобныя клѣшкамъ птичьимъ кромѣ величины; при томъ темнота не позволила намъ вдругъ ихъ обозрѣть. Японцы поставили насъ всѣхъ рядомъ къ стѣнѣ, а сами сжали разсуждая о нашемъ размѣщеніи. Съ полчаса мы стояли въ ужаснѣйшемъ уныніи, воображая, что можетъ быть намъ суждено вѣчно не выходить изъ сего страшнаго жилища. Наконецъ Японцы спросили меня и Г. Мура, котораго

изъ мапрозовъ мы хотѣли имѣть съ собою. Мы очень обрадовались, полагая, что они не хопяшъ заключають насъ каждаго порознь и просили не лъзя ли еще присоединить къ намъ Г. Хлббникова; но Японцы на это не согласились; причина отказа ихъ была весьма основательна: они сказали, что съ мапрозами долженъ быть одинъ изъ офицеровъ для того, чтобы онъ могъ своимъ примѣромъ и совѣтами ободрять и утѣшать ихъ въ несчастіи, безъ чего они совсѣмъ потеряють духъ и предадутся отчаянію. Сдѣлавъ намъ такой отвѣтъ, Японцы повели меня, а за мною Г. Мура и мапроза Шкаева вдоль строенія въ одну сторону, а прочихъ въ другую. Мы со слезами простились съ своими товарищами, считая, что можетъ быть уже никогда не увидимся. Меня ввели въ коридоръ, сняли сапоги и вовсе развязали веревки; потомъ вели войши въ маленькую каморку, отдѣленную отъ коридора деревянною рѣшеткою. Я оглянулся, думая найши за собою Г. Мура и Шкаева; но въ какое изумленіе пришелъ, увидя, что ихъ шумъ не было и не слыша ихъ голосу. Японцы же, не сказавъ мнѣ ни слова, заперли дверь замкомъ, а вышедъ изъ коридора, и его замкнули также. Тогда я оспался одинъ; вообразивъ, что мы заключены всѣ порознь и вѣроятно никогда уже другъ съ другомъ не увидимся, я бросился на полъ въ отчаяніи.

Долго я лежалъ, можно сказать, почти въ безпамятствѣ, пока не обратился на себя моего вниманія споявшій

у окна человекъ, которой дѣлалъ мнѣ знаки, чтобы я къ нему подошелъ; когда я исполнилъ его желаніе, тогда онъ подавъ мнѣ сквозь рѣшетку два небольшіе сладкіе пирожка, и показывалъ знаками, чтобы я поскорѣ ихъ съѣлъ, изъясняя, что если другіе это увидятъ, то ему дурно будетъ. Мнѣ тогда всякая пища была противна, но чтобы не огорчить его, я съ нѣкошорымъ усиліемъ проглотилъ пирожки. Тогда онъ меня оставилъ очень съ веселымъ видомъ, общая, что и впредь будешь приносить. Я благодарилъ его, какъ могъ, удивляясь, что человекъ, по наружности долженствовавшій быть изъ послѣдняго класса въ обществѣ, имѣлъ, сколько доброты сердца, что рѣшился чѣмъ нибудь утѣшить несчастнаго иностранца, подвергая себя опасности быть наказаннымъ. Вскорѣ послѣ сего принесли мнѣ обѣдать, но я не хотѣлъ ѣсть и отослалъ все назадъ; потомъ и ужинать приносили, но мнѣ и тогда было не до ѣды; я то ложился на полъ или на скамейку, то ходилъ по комнатѣ, размышляя, нельзя ли какъ нибудь уйти. На сей конецъ разсматривалъ я внимательно строеніе моей шюрмы: она была въ длину и въ ширину по бши шаговъ, вышиною футъ восьми; отъ коридора отдѣлялась деревянною рѣшеткою изъ довольно толстыхъ брусевъ, въ которой и двери были съ замкомъ; въ стѣнахъ находились два окна съ крѣпкими деревянными рѣшетками снаружи, и съ бумажными ширмами внутри, которыя я могъ отодвигать и задвигать по волѣ; одно окно было обращено къ стѣнѣ какого-то строенія, отстоящей отъ моей стѣны шагахъ

въ двухъ, а другое къ полуденной сторонѣ ограды нашей темницы; изъ сего окна я могъ видѣть горы, поля, частіи *Тиенгарскаго* пролива и противъ положенной намъ берегъ *Японіи*. Подлѣ дверей въ сторону былъ небольшой чуланчикъ съ ошверстіемъ на полу въ глубокой ящикъ за замкомъ, для естественныхъ надобностей; посреди каморки стояла деревянная скамейка такой величины, что я едва могъ лежать на ней; а на полу въ одной сторонѣ поспланы были три или четыре рогажки; вотъ и всѣ мои *мебели*.

Разсмотрѣвъ весь составъ мѣста моего заключенія, я увидѣлъ, что съ помощію одного обыкновеннаго ножа легко можно было перерѣзать въ окнѣ рѣшетку часа въ три и выйдти на дворъ, а пользуясь тишиною ночи, могъ я также перелѣзти черезъ деревянную стѣну и черезъ вадъ; но дѣло состояло въ томъ; первое, гдѣ взять ножъ, когда намъ и иголки въ руки не давали; а второе, еслибы я и вышелъ на свободу, то куда идиши одному, и что послѣ сдѣлають *Японцы* съ несчастными моими товарищами? Мысль о ихъ участи меня ужасала такъ, что если бы я дѣйствительно имѣлъ у себя ножъ и могъ бы на берегу спустить лодку, чтобы при восточномъ вѣтрѣ пуститься на ней къ *Гатарскому* берегу, то и тогда ни подѣ какимъ видомъ не покусился бы на это, единственно для того чтобы горькую участь моихъ товарищей не сдѣлать еще несноснѣе; слѣдовательно всѣ такіа размышленія были одни воздушные замки.

Къ ночи принесли мнѣ бумажное одѣяло на вашъ

совсѣмъ новое, и большой спальной халатъ также на ватѣ, но споль изношенной и перемаранной, что происходилъ отъ него несносной запахъ гнилью и мерзкою нечистою; почему я бросилъ его въ уголъ безъ употребленія. Во всю ночь каждый часъ кругомъ стѣны ходили обходы и спучали въ трещетки (1), а солдаты внутренняго караула также и въ коридоръ ко мнѣ заходили съ огнемъ смотрѣть, что я дѣлалъ.

Рано поутру когда еще вокругъ была глубокая тишина, вдругъ поразили мой слухъ *Рускія* слова. Въ ту же секунду, вскочивъ съ скамейки и подошедъ къ окну, обращенному къ стѣнѣ ближняго строенія, услышалъ я, что въ ономъ разговаривалъ Г. *Муръ* со *Шкавыибъ*. Не чаянное сіе открытіе чрезвычайно меня обрадовало; я благодарилъ Бога, что по крайней мѣрѣ повѣрищи мои не по одному заключены; слѣдовательно имѣющъ способъ утѣшать другъ друга и проводить время не въ такой ужасной горести и опчаяніи, какъ человекъ особо заключенный; припомъ утѣшала меня еще надежда, не будемъ ли мы когда либо въ состояніи сообщить свои намѣренія другъ другу и уйти вмѣстѣ. Вслушиваясь въ ихъ разговоры, могъ я разобрать, что

(1) *Японцы* на караулахъ часы бьютъ двумя сухими звонкими дощечками; сначала мы называли ихъ трещетками. Дозоры такіе ходили и на дорогѣ кругомъ домовъ, гдѣ мы имѣли ночлеги. Долго намъ неизвѣстно было, что они значили; но послѣ уже мы узнали, что это патрули караульныхъ, бьющіе часы и осматривающіе посты.

Г. Мурѣ рассказывалъ *Шкаеву* видѣнной имъ сонѣ объ *Архангельскѣ*. Я неперѣливо желалъ ошарыть имъ о моемъ съ ними сосѣдствѣ, но не смѣлъ на сіе ошважиться, опасаясь, чѣмъ разговоры мои не причинили для всѣхъ насъ вредныхъ послѣдствій. Между тѣмъ караульные и работники, вставъ, начали приниматься за свои дѣла. Тогда нагнупившій шумъ заглушалъ ихъ разговоры. Тутъ принесли мнѣ теплой и холодной воды умываться, открыли дверь, а когда я умылся, то опять заперли; попомъ приносили завтракашъ, но я все еще не могъ ничего ѣсть.

Около половины дня пришелъ ко мнѣ въ коридоръ одинъ изъ Чиновниковъ здѣшняго города. Съ нимъ былъ вновь опредѣленный къ намъ переводчикъ *Курильскаго* языка (1) человекъ лѣтъ подѣ пятьдесятъ, лекаръ (2) и нашъ *Алексѣй*. Они стояли въ коридорѣ и говорили со мною сквозь рѣшетку. Чиновникъ спрашивалъ, здоровъ ли я, и указывая на лекаря, велѣлъ мнѣ объявить, что онъ присланъ изъ *Матсмаа* тамошнимъ Губернаторомъ нарочно съ тѣмъ, чѣмъ имѣть попеченіе о нашемъ здоровьѣ. Пока *Японцы* при семъ случаѣ разговаривали между собою, я успѣлъ сдѣлать нѣсколько вопросовъ *Алексѣю* и узналъ отъ него, что Г. *Хлѣбниковъ* заключенъ вмѣстѣ съ *Симановымъ*, *Макаровъ* съ *Васильевымъ*, а онъ отдѣльно, какъ я.

(1) Послѣ мы узнали, что переводчика зовутъ *Вехара - Куладжеро*, а (2) лекаря *Того*; въ послѣдствіи сего повѣствованія, говоря объ нихъ, я буду называть ихъ теми именами.

Алексѣй прибавилъ еще, что у нихъ каморки очень дурны, темны, совсѣмъ безъ оконъ и крайне нечислы. Въ полдень принесли мнѣ обѣдъ, но я отказался отъ ѣды, однакожь караульный отперъ дверь и проворчавъ что-то съ сердцемъ, велѣлъ кушанье у меня оставить и заперъ дверь. Подъ вечеръ опять пришелъ ко мнѣ тотъ же Чиновникъ съ переводникомъ *Всхарою* и съ *Алексѣемъ* для объявленія мнѣ, что Начальникъ города, полагая, что мнѣ скучно быть одному, велѣлъ спросить меня, кого изъ мажорезовъ я желаю имѣть при себѣ. На отвѣтъ мой, что они для меня всѣ равны (1), онъ сказалъ, чтобы я непременно самъ выбралъ кого мнѣ угодно, ибо таково есть желаніе ихъ Градоначальника; почему я сказалъ, что они могутъ со мною быть по очереди, и началъ съ *Макарова*, котораго въ ту же минушу перевели ко мнѣ. Я уговаривалъ *Алексѣя*, чтобы онъ попросилъ *Японцевъ* помѣстить его съ *Васильевымъ* на мѣсто *Макарова*; но онъ на это не согласился, и сіе заставило меня очень сомнѣваться въ его къ намъ расположеніи. При семъ случаѣ я узналъ, что Чиновникъ сей есть первый въ городѣ по Главномъ Начальникѣ. Я спросилъ его, всегда ли *Японцы* думаютъ насъ такъ содержать, какъ теперь. „Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, послѣ вы всѣ будете жить вмѣстѣ; а потомъ опустятъ васъ въ свое отечество.“ — Скорости сведущъ насъ въ одно мѣсто? — „Нескоро еще,

(1) Я сіе сказалъ, для того, что въ жестокомъ нашемъ положеніи не хотѣлъ показаться несчастнымъ своимъ товарищамъ, что одного предпочитаю другимъ.

отвѣчалъ онъ. Люди въ подобномъ нашему положеніи, всякое слово берутъ на замѣчаніе и шолкуютъ; если бы онъ сказалъ: скоро, то я почелъ бы рчи его одними пустыми утѣшеніями; но въ семъ случаѣ я повѣрилъ ему и нѣсколько успокоился.

Когда Японцы насъ оставили, то я обратился къ *Макарову*. Онъ чрезвычайно удивлялся пріятности моего жилища; съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на предметы, которые можно было видѣть изъ моего окна; клѣшка моя ему казалась раемъ противъ шѣхъ, въ которыхъ были заключены *Г. Хлѣбниковъ, Сидановъ, Васильевъ и Алексѣй*, и откуда его перевели ко мнѣ. Описаніе ихъ жилища навело на меня ужасъ: они были заперты въ небольшихъ клѣшкахъ, сдѣланныхъ изъ весьма толстыхъ брусьевъ и поставленныхъ одна подлѣ другой, посреди огромнаго сарая, шакъ, что клѣшки сїи были окружены со всѣхъ сторонъ коридорами; входъ же въ оныя составляли не двери, а опверстія столь низкія, что должно было вползати въ нихъ. Солнце никогда къ нимъ не заглядывало, и у нихъ господствовала почти безпресшанная темноша. Обнадеживаніе Японскаго Чиновника и разговоры съ *Макаровымъ* нѣсколько смягчили грусть мою, и я спалъ за ужиномъ въ первый разъ еще въ *Хакодаде* вѣшь и поѣлъ исправно, не смотря на то, что здѣсь столь нашъ былъ весьма дурень и совсѣмъ не такой, какъ въ дорогѣ (1). Вечеромъ принесли намъ по одной круглой по-

(1) Въ *Хакодаде* кормили насъ отменно дурно, а особливо сначала: обыкновенную нашу пищу составляли, каша изъ

душкѣ, похожей на тѣ, какія у насъ бывають на софахъ, наволочки были бумажныя, а внутри шелуха коноплянаго сѣмени.

Августа 10 поушру еще, переводчикъ *Куиджеро* извѣстилъ меня, что сего дня Начальникъ города желаетъ всѣхъ насъ видѣть, и что послѣ обѣда насъ къ нему поведутъ. Въ назначенное время насъ вывели на дворъ одного послѣ другаго, обвязавъ каждого около пояса веревкою, за конецъ которой держалъ работникъ; но рукъ уже совсѣмъ не визали. На дворѣ поспавили всѣхъ насъ рядомъ; около четверти часа присланной за нами Чиновникъ дѣлалъ свои распоряженія, какъ бышъ шествію, которое послѣ и началось такимъ образомъ: впереди шли два шарика въ просыпыхъ халатахъ съ большими палками, у коихъ на концахъ были насажены небольшіе, фигурою на ланцеты похожіе, шопорики; за ними шли рядомъ три *Намбускіе* солдата съ саблями за кушакомъ; потомъ я; подлѣ меня Императорскій солдатъ, а за мною работникъ, державшій ве-

сорочинскаго ишена, похлѣбка изъ простой горячей воды съ терною рѣдкою безъ всякой приправы, горшочка зеленого луку мѣлко накрошеннаго, или вареныхъ бобовъ а иногда вмѣсто луку или бобовъ, кусочка по два соленыхъ огурцовъ или соленой рѣпки; изрѣдка варили намъ лапшу изъ бобовой муки, подавали гнилую треску или китовой жиръ вмѣсто рѣчнаго супу; и раза два въ 50 дней дали по половинѣ камбалы съ соею на челоуѣа; ѣшь давали три раза въ день: поушру въ 8 часовъ, въ полдень и въ 4 часа вечера; пить же давали теплую воду, а иногда очень дурной чай безъ сахару.

ревку; послѣ меня такимъ же образомъ вели Гг. *Мура* и *Хлебникова*, *машпрозовъ* и *Алексѣя*; сзади же всѣхъ шли еще три солдата *Намбукие*. Насъ вели очень медленно, почти черезъ весь городъ, по одной весьма длинной улицѣ, въ кошорой всѣ дома были наполнены зрителями. Тогда въ первый разъ мы замѣтили, что у нихъ почти во всѣхъ домахъ были лавки со множествомъ разныхъ товаровъ. Съ улицы поворотили мы зѣдѣво на гору къ замку, обведенному землянымъ валомъ и палисадомъ; ворощами вошли мы на большой дворъ, гдѣ стояла прошивъ самыхъ ворощъ мѣдная пушка на спанкѣ о двухъ колесахъ, весьма дурно сдѣланныхъ. Съ сего двора прошли мы небольшимъ переулкомъ на другой дворъ, гдѣ находилось въ ружьѣ нѣсколько чловѣкъ Императорскихъ солдатъ. Они сидѣли на посланныхъ на землѣ рогожкахъ въ разстояніи около сажени одинъ отъ другаго; оружіе же ихъ, состоящее изъ ружей и стрѣлъ, было приспавлено къ стѣнѣ подлѣ каждаго изъ нихъ. Насъ привели въ небольшой закулокъ между двумя спроеніями и посадили насъ спроихъ офицеровъ на скамейку, а *машпрозовъ* и *Алексѣя* на рогожи, по землѣ разоспанные. Тутъ велѣно намъ было дожидаться; а между тѣмъ принесли курительныя трубки, очень хорошаго табаку, лучшаго зеленого чаю, сахарнаго песку, и спали насъ подчивать именемъ главнаго Начальника города. Тѣмъ изъ насъ, копорые любили курить табакъ, это было великимъ угощеніемъ, ибо по приходѣ въ *Хакодаде*, намъ уже болѣе

ни трубокъ, ни шабаку не давали (1). Въ ожиданіи что будешь далѣе, мы имѣли время поговорить между собою. Г. *Хлѣбниковъ* разсказалъ мнѣ о мѣстѣ своего заключенія. Описаніе его совершенно сходствовало съ тѣмъ, что я прежде слышалъ отъ *Макарова*, а Г. *Муръ* увѣдомилъ меня, что онъ содержится точно въ такой же каморкѣ, какъ моя, имѣя два окна, въ которыя можно видѣть нѣсколько наружныхъ предметовъ. Мы дожидались болѣе часа. Наконецъ въ окно ближняго къ намъ строенія назвали меня по имени, (*Капитанъ Головинъ*; но *Японцы* фамилію мою произносили почти какъ *Ховаринъ*), и велѣли ввести. Тогда два караульные солдата, идучи у меня по обѣимъ сторонамъ, подвели меня къ большимъ ворошамъ и впустивъ чрезъ оныя во обширную залу, опять ихъ заперили; а тамъ потчасъ меня приняли другіе. Зданіе, въ которое я вошелъ, походило одною половиною своею не только на залу, сколько на сарай, ибо не имѣло ни пополоку, ни полу. Въ ближней половинѣ онаго къ ворошамъ, вмѣсто досокъ на землѣ насыпаны были мелкіе каменья; въ другой же половинѣ, полъ отъ земли возвышался фута на три; на немъ были постланы соломенные весьма чисто сдѣланные машы; вся же сія зала величиною

(1) Въ послѣдствіи времени караульные наши, составлявшіе внутреннюю при насъ стражу, находившійся всегда подлѣ каморки Г. *Муръ*, гдѣ было сдѣлано для нихъ мѣсто, иногда потихоньку давали ему курить изъ своихъ трубокъ сквозь рѣшетку; но къ другимъ не смѣли носить.

была сажень 8 или 10 въ длину и въ ширину, а вышиною футъ въ 18; и отъ другихъ комнатъ отдѣлялась изрядно расписанными подвижными ширмами; оконъ было два или три съ вставленными въ нихъ деревянными рѣшетками, а вмѣсто стеколъ задвигались онѣ бумажными ширмами, сквозь когоры проходилъ шустрый, унылый свѣтъ; на правой сторонѣ подлѣ возвышеннаго мѣста въ вышину футъ 4 отъ земли, во всю стѣну, развѣшаны были желѣза для кованія пресступниковъ, веревки и разные инструменны наказанія; другихъ же никакихъ *украшеній* не было. Съ перваго взгляда на сіе зданіе, подумалъ я, что это должно быть мѣсто для пытокъ; да и всякой на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы подобное заключеніе: такъ видѣ онаго было спрашено! Главный Начальникъ сидѣлъ на полу посреди возвышеннаго мѣста; по сторонамъ у него немного назади сидѣли два Секретаря, передъ коими на полу же лежала бумага, и стояли чернилицы; по лѣвую сторону у главнаго Начальника сидѣлъ первой по немъ Чиновникъ, а по правую второй; потомъ на лѣвой и на правой сторонѣ еще по Чиновнику. Они сидѣли въ такомъ положеніи, какъ у насъ садится Президентъ съ членами, только у *Японцевъ* не было сполы и находились они шагахъ въ двухъ одинъ отъ другаго. Всѣ они сидѣли на коленяхъ съ поджатыми взадъ ногами, такъ, что ноги лежали плотно на матахъ, а задняя часть шѣи касалась до подошвъ; одѣшы они были въ обыкновенныхъ своихъ черныхъ халатахъ, имѣя за поясомъ кинжалы, а большія сабли лежали у каждаго изъ нихъ

на лѣвой сторонѣ подлѣ боку. По обѣимъ сторонамъ возвышеннаго мѣста на доскахъ, положенныхъ на землѣ, сидѣли по часовому безъ всякаго оружія; а переводчикъ *Куладжеро* сидѣлъ на томъ же возвышенномъ мѣстѣ подлѣ края онаго на правой сторонѣ. Принявшіе меня въ залѣ солдаты подвели меня къ возвышенному мѣсту, и хотѣли посадить на каменья, но Начальникъ что-то имъ сказалъ, и они оставили меня на ногахъ противъ его. Потомъ такимъ же образомъ привели *Г. Мура* и посадили его подлѣ меня на правой сторонѣ; послѣ ввели *Г. Хлббникова*, котораго помѣстили подлѣ *Г. Мура* (1); наконецъ ввели маэтровъ одного за другимъ и поставили рядомъ за нами; а послѣ всѣхъ привели *Алексея*, котораго посадили въ рядъ съ нами на правой сторонѣ подлѣ *Г. Хлббникова*, ибо онъ долженъ былъ переводить. Устроивъ все такимъ образомъ, переводчикъ сказалъ намъ по приказанію Начальника, указавъ на него, что это главный Начальникъ города. Тогда мы ему поклонились по своему, а онъ отвѣчалъ небольшимъ наклоненіемъ головы, опустивъ глаза. Послѣ сего, вынувъ изъ за пазухи бумагу, сталъ онъ по ней насъ спрашивать; сначала спросилъ мой чинъ и фамилію, потомъ имя, а послѣ ошчество (2). Ошчты мои, оба Секретаря записали;

(1) У *Японцевъ* лѣвая сторона имѣетъ преимущество, такъ какъ у насъ правая; мы вездѣ это замѣчали у нихъ; а послѣ они и сами тоже намъ сказывали, но причины сего обычая объяснить не могли.

(2) Сей вопросъ не мало сдѣлалъ намъ затрудненія: *Алексей*, не умѣя выразить его по *Руски*, спрашивалъ насъ: ка-

потомъ тѣже вопросы были предложены Господамъ *Миу-ру*, *Хлѣбникову* и всѣмъ прочимъ. Секретари также записывали ихъ ошвѣщны. За симъ вопросомъ послѣдовали другіе, каждому изъ насъ порознь и вопросъ за вопросомъ, а именно: сколько ошъ роду дѣшъ, живы ли ошець и машъ, какъ зовущъ ошца, ешть ли брашья, сколько ихъ, женашъ ли, ешть ли дѣши, изъ какихъ мы городовъ, во сколько дней ошъ нашихъ городовъ можно доѣхашъ до *Петербурга*, какія наши должности на корабляхъ въ морѣ, что мы дѣлаемъ будучи на берегу и великали тогда ввѣряешся намъ команда. На каждый изъ сихъ вопросовъ, ошвѣщны наши записывали, какъ и прежде. На ошвѣщъ нашъ, изъ какихъ мы городовъ, *Японцы* сдѣлали замѣчаніе: почему мы служили на одномъ кораблѣ, будучи всѣ родомъ изъ разныхъ городовъ? на это ошвѣщъ нашъ былъ, что мы не городамъ своимъ служимъ, а всему ошечесшву и Государю, слѣдовашельно все равно, на одномъ ли мы кораблѣ ходили или на разныхъ, лишь бы корабль былъ *Русской*. И сей ошвѣщъ они не упустили записать. Вопросъ ихъ, чѣмъ мы

кой хвощъ у швоего имени? Надобно знать, что на *Курильскои* языкѣ хвощъ и конецъ одинаково называются. Мы не могли понять, что онъ хочетъ сказать, пока не вошла ему въ голову щаспливая мысль объяснишь вопросъ сей примѣромъ. Онъ сказалъ: „ношъ меня зовущъ *Алексѣй*, а еще хвощъ у имени моего *Максимычъ*, а у шебя какой ишъ?“ Впрочемъ и во всѣхъ другихъ вопросахъ не безъ хлопощъ намъ съ нимъ было; частенько мы подковали другъ съ другомъ по цѣлому часу, и оставались также какъ и прежде, не понимая, что кто говоритъ.

командуемъ, или какъ *Алексѣй* говорилъ, *повелѣася* на берегу, надѣлалъ намъ въ послѣдствіи много хлопотъ и непріятностей. *Японцы* непременно хотѣли знать, сколько числомъ людей у насъ бываетъ въ командѣ, и когда мы объяснили имъ, что это бываетъ разное и зависитъ отъ обстоятельствъ; то они спрашивали, какимъ числомъ людей мы по чинамъ своимъ должны командовать; наконецъ, чтобъ отвязаться отъ нихъ, принуждены мы были сказать имъ по сравненію нашихъ чиновъ съ армейскими, что Маіоръ командуетъ батальономъ, а Капитанъ ротой. Мы думали, что тѣмъ дѣло кончено, но ниже будетъ сказано, сколько досады они намъ сдѣлали по сему случаю. Пошомъ *Японцы* спрашивали имя нашего судна и хотѣли знать величину его маховыми саженьми и число пушекъ, въ чемъ мы ихъ удовлетворили; а напослѣдокъ Начальникъ сказалъ намъ, что въ бытность у нихъ *Лаксмана*, онъ имѣлъ длинную косу и большіе волоса на головѣ, въ которые сыпалъ много муки (пудрился), а у насъ волосы острижены, и такъ не перемѣнели въ *Россіи* законъ? Когда мы сказали имъ, что уборы головные не входящъ въ наши законы, то *Японцы* засмѣялись, немало удивясь, что на это нѣтъ общаго устава; но и сей отвѣтъ нашъ они также записали. Въ заключеніе они требовали, чтобъ мы объяснили имъ и показали на картѣ, гдѣ мы шли и когда, съ самаго отбытія изъ *Петербурга*; карта у нихъ для сего была скопированная съ *Русскаго Академическаго глобуса*, напечатаннаго при покойной Императрицѣ. Показывая имъ наше плаваніе,

я спросилъ, гдѣ та карта, которую я въ *Кунаширѣ* предложилъ въ подарокъ шамошнему Начальнику, ибо она лучше этой, и путь нашъ тамъ ошчаспи назначенъ; но *Японцы* сказали, что никакой нашей карты къ нимъ не доставлено; коль скоро они ее получаютъ, то покажутъ намъ, а до того и эша годишся. Они не только разспрашивали, гдѣ мы шли, но хотѣли знать точное время, въ какіе мѣсяцы мы какія мѣста проходили и куда когда пришли. Всѣ наши отвѣпы и поясненія они записывали, спросивъ напередъ у переводчиковъ, точно ли то они переводятъ, что мы говоримъ. По причинѣ слабого знанія нашего переводчика въ языкъ и необыкновенной точности, съ каковою *Японцы* отбирали ошъ насъ ошѣшпы, они занимали насъ нѣсколько часовъ. Наконецъ главный Начальникъ велѣлъ намъ идти домой, объявя, что когда нужно будетъ, то насъ опять сюда приведутъ, а до того времени совѣщовалъ намъ отдыхать. Мы возвращались изъ замка въ сумеркахъ, точно такимъ же порядкомъ, какъ и пришли, съ тою только разностію, что по причинѣ прекращенія всѣхъ дневныхъ работъ, число зрителей было гораздо болѣе прежняго. По возвращеніи въ темницу насъ опять развели по прежнимъ каморкамъ и дали на счетъ Градоначальника каждому изъ насъ по одному лѣшнему, *Японскому* халату изъ бумажной матеріи; а также поподчивали насъ виномъ *сагою*. Во время нашего отсутствія *Японцы* соединили мой коридоръ съ коридоромъ *Г. Мура* и посрединѣ оныхъ сдѣлали мѣсто для внутренней спражи, откуда они могли вдругъ видѣть сквозь

рѣшешки, что дѣлается у меня въ каморкѣ и у него. Чрезъ сіе, способъ къ побѣгу совсѣмъ уничтожился; но въ замѣну мы имѣли ту пользу, что могли лучше слышать разговоры наши; а потому я съ *Г. Муромѣ* и переговаривался не прямо, а подъ видомъ, что говорю товарищу своему *Макарову*, и онъ тоже дѣлалъ, обращая разговоръ къ *Шкаеву*; но это продолжалось только нѣсколько дней, а послѣ при одномъ случаѣ спросили мы втораго Чиновника по Градоначальникѣ, можемъ ли мы между собою разговаривать, и получили въ отвѣтъ: „говорите что хотите, и такъ громко какъ вамъ угодно“. Послѣ сего объявленія, мы разговаривали уже свободно, но остерегались говорить что либо предосудительное *Японцамъ*, опасаясь, не опредѣлены ли къ намъ люди, знающіе *Русскій* языкъ, чтобы подслушивать; по той же причинѣ боялись мы говорить и на иностранныхъ языкахъ, чтобы приставленные къ намъ тайно переводчики не объявили о нашихъ разговорахъ не на своемъ языкѣ своимъ Начальникамъ, и не возбудили тѣмъ въ подозрительномъ семъ народѣ какого нибудь сомнѣнія.

Послѣ перваго нашего свиданія съ Градоначальникомъ, 18 дней насъ къ нему не призывали, и не объявляли, что съ нами будутъ дѣлать; а на вопросы наши о семъ дѣлѣ, всѣ *Японцы* отвѣчались незнаніемъ; но во все сіе время каждой день по утру и вечеру приходили къ намъ дежурные городскіе Чиновники по очереди съ лекаремъ и переводчикомъ, навѣдывались о нашемъ здоровьи и спрашивали: не имѣемъ ли мы въ чемъ нужды;

однако-жъ, не взиралъ на такое ихъ вниманіе, кормили насъ очень дурно и большею частію пустымъ рѣдечнымъ бульономъ. Г. Мурѳъ сдѣлался боленъ грудью; лекарь тошчасъ прописалъ ему пить декоктъ изъ разныхъ кореньевъ и травъ, но діешы не назначилъ, а совѣщивалъ только болѣе ѣсть того, что дають (1); когда же Мурѳъ жаловался на дурное содержаніе и объяснялъ Японцамъ, что при такой худой пищѣ лекарство не можешь имѣть дѣйствія, второй въ городѣ Начальникъ (2) спросилъ, что Рускіе ѣдятъ въ болѣзни. Что лекарь назначилъ, сказалъ Мурѳъ. Однакожъ, что обыкновеннѣе? спросилъ онъ. Курицу свареную въ супѣ. Тогда Отахи-коски разспросилъ подробно, какъ Рускіе дѣлають такой супъ, чтобы Японцы могли сварить для насъ подобную пищу. Мурѳъ разсказалъ все очень подробно, а онъ записалъ; но это было только для любопытства или въ насмѣшку; ибо послѣ о супѣ съ курицей болѣе мы ни слова не слыхали, а ѣли то же, что и прежде. Сей самый Чиновникъ, одинъ изъ всѣхъ Японцевъ, нерѣдко надъ нами шутилъ; онъ обѣщалъ намъ мяса, масла и молока, говоря, что Рускіе это любятъ; а чрезъ нѣсколько дней въ насмѣшку извинялся, что

(1) Имя сего Чиновника Отахи-коски. Въ послѣдствіи я буду такъ называть его.

(2) Японскіе лекаря ни мало не заботятся, чтобы больные ихъ наблюдали діету; они всегда совѣщуютъ имъ болѣе ѣсть; и чѣмъ болѣе больные ѣдятъ, тѣмъ они довольнѣе, ибо хорошій аппетитъ, по ихъ мнѣнію, всегда есть вѣрный признакъ скорого выздоровленія.

коровы еще ходящъ въ полѣ. Однажды, давъ намъ *саги*, хошѣлъ онъ, чтобы я ведѣлъ матрозамъ пѣть пѣсни и плясать, рассказывая, что онъ видѣлъ *Рускую* пляску, когда *Лакслианъ* былъ здѣсь, и что она ему очень нравилась; но когда я ему сказалъ, что въ нынѣшнемъ нашемъ состояніи никто въ свѣтѣ и ничѣмъ не можешь насъ къ сему принудить, то онъ засмѣявшись сказалъ мнѣ въ отвѣтъ: „правда, правда! и *Японцы* также въ подобномъ вашему состояніи не стали бы пѣть и плясать...“

Кромѣ дежурныхъ Чиновниковъ, въ извѣстные часы насъ посѣщавшихъ, переводчикъ *Куладжеро* и лекаръ *Того* были при насъ всякой день часовъ по шести и болѣе. Оба они отбирали у насъ *Рускія* слова и составляли Лексиконы. Надобно сказать, что каждый занимался симъ дѣломъ порознь: когда одинъ былъ на нашей половинѣ, другой въ то же время находился у Г. *Хлѣбникова*; для сего они приносили къ намъ всякую вещь и спрашивали, какъ что называется. Лекаръ былъ человѣкъ очень свѣдущій въ Географіи, имѣлъ у себя весьма чисто гравированный *Японскій* глобусъ, снятой съ какого нибудь *Европейскаго*, и разныя рукописныя карты *Японскихъ* владѣній, которыя онъ намъ иногда показывалъ и объяснялъ все, о чемъ мы его спрашивали, дѣлая свои собственные замѣчанія на извѣстныхъ ему мѣстахъ, о которыхъ будетъ упомянуто въ послѣдствіи. Но болѣе всего *Японцы* насъ беспокоили прозбами своими написать имъ что нибудь на вѣрахъ или на особенныхъ листахъ бумаги; какъ Чиновники,

такъ и караульные наши солдаты безпрестанно насъ этимъ занимали; а особливо послѣдніе. Но какъ они всегда просили насъ учтивымъ образомъ и послабѣ не упускали благодарить съ большими комплиментами, то мы имъ никогда не отказывали въ ихъ просьбахъ; почему нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь нашимъ снисхожденіемъ, были такъ безсвѣстны, что приносили вдругъ по 10 и 20 вѣровъ, чтобы ихъ исписать; но сія скучная работа лежала болѣе на Гг. Муръ и Хлѣбниковъ, потому, что они писали очень чисто и красиво: первый изъ нихъ для одного изъ нашихъ караульных исписалъ болѣе 70 листовъ бумаги; почему мы имѣли причину думать, что они нашимъ письмомъ торгуютъ, рассылая оное на продажу, какъ вещь достойную кабинетовъ рѣдкостей (1); но скучнѣе всего намъ было писать для Чиновниковъ, потому, что они всегда хотѣли знать, что мы имъ написали, а получа отъ насъ переводъ, тотчасъ ходили къ Г. Хлѣбникову, чтобы и онъ перевелъ тоже; они сличали переводы и усматривали, правду ли мы говоримъ; а когда онъ что для нихъ пи-

(1) Японцы большіе охотники до рѣдкостей; первая ихъ страсть собирать какія нибудь необыкновенныя вещицы. При насъ не было ни одного солдата, который бы не показалъ намъ чего нибудь почитаемаго имъ рѣдкостію: у нѣкоторыхъ хранились въ нѣсколькихъ бумагахъ складные матросскіе ножи, полученные ими отъ *Лаксманова* экипажа; другіе берегли мѣдные деньги наши или пуговицы; иной хранилъ какую нибудь бездѣльную ракушку или камышекъ и ш. п.

салъ, то они къ намъ послѣ приносили для повѣрки перевода. Такимъ образомъ однажды я причинилъ большой страхъ и хлопоты Г. Хлѣбникову. Одинъ изъ Чинowników просилъ меня въ третій уже разъ написать ему что нибудь по *Руски*; я въ досадѣ написалъ слѣдующее: „Если здѣсь будушь когда либо *Рускіе* не плѣнные, но вооруженные, то они должны знать, что семерыхъ изъ ихъ соотечественниковъ, *Японцы* захватили обманомъ и коварствомъ, посадили въ настоящую тюрьму и содержали какъ преступниковъ безъ всякой причины. Нещастные сіи просятъ милосердія своихъ опамстити въ роковному сему народу достойнымъ образомъ.“ И подписалъ свой чинъ и имя; а когда *Японецъ* спросилъ, что это такое, то я сказалъ ему: *Руская* пѣсня, береги ее до того, какъ въ другой разъ здѣсь будушь *Рускіе* и покажи имъ. Онъ понесъ ее для перевода къ Г. Хлѣбникову, которой не зналъ, что ему дѣлать, но послѣ попалъ на ту же мысль, что это очень мудреная пѣсня и перевести оную трудно; тѣмъ и ошдѣлся.

Августа 25 пришелъ къ намъ второй Начальникъ *Отахи - коски*. Онъ прихаживалъ рѣдко и всегда съ чѣмъ нибудь необыкновеннымъ: съ нимъ была большая свита. Остановясь въ коридорѣ передъ моею камеркою, велѣлъ онъ подлѣ рѣшетки послать рогожки. Смотрю что будешь! Наконецъ велѣлъ что - то нести и вдругъ вижу я, что четыре или пять человекъ несутъ на плечахъ мой сундукъ, стоявшій у меня въ каютѣ на шлюпѣ, чемоданы Гг. *Мура* и *Хлѣбникова* и еще нѣ-

сколько узловъ. При семъ видѣ я ужаснулся, вообразивъ, что *Японцы* не иначе могли получить наши вещи, какъ завладѣвъ шлюпомъ, или его разбило на ихъ берегахъ, а вещи выкинуло. Съ большимъ усиліемъ отвѣчалъ я прерывающимся голосомъ на ихъ вопросы, кому изъ насъ оныя вещи принадлежатъ. Наконецъ они намъ объявили, что шлюпъ нашъ передъ отходомъ своимъ изъ *Кунашира* свезъ всѣ сіи вещи на берегъ и оставилъ; тогда я совершенно успокоился; радость моя была чрезвычайна, ибо я полагалъ почти навѣрное, что наши товарищи благополучно достигнуть своихъ береговъ и участь наша доведена будетъ до свидѣнія Государя Императора. Послѣ сего *Японцы*, записавъ, что изъ присланныхъ вещей принадлежало мнѣ, пошли о томъ же спрашивать другихъ моихъ товарищей. Посылки наши состояли въ нѣкоторомъ нашемъ платьѣ, бѣльѣ и обуви, которыя преемникъ мой по командѣ *Г. Рикордъ* за нужное почелъ къ намъ прислать. Это въ послѣдствіи послужило для насъ къ большой пользѣ, хотя въ семъ случаѣ *Японцы* намъ не дали ничего изъ присланныхъ вещей. Сей день памятенъ для меня по двумъ обстоятельствамъ; во первыхъ по безпокойству, причиненному мнѣ присланными вещами, а во вторыхъ, что за неимѣніемъ бумаги, чернилъ или другаго, чѣмъ бы могъ я записывать случавшіяся съ нами примѣчательныя происшествія, вздумалъ я вести свой журналъ узелками на ниткахъ. Для каждаго дни, съ прибытія нашего въ *Хакодаде*, завязывалъ я по узелку: если въ какой день случилось какое либо при-

янное для насъ приключеніе, то вязывалъ я бѣдную
вишку изъ манжетъ; для горестнаго же происшествія
черную шелковинку изъ шейнаго плашка; а если слу-
чалось чтонибудь достойное примѣчанія, но такое
которое ни обрадовать, ни опечалить насъ не могло,
то вязывалъ я зеленую шелковинку изъ подкладки
моего мундира; такимъ образомъ по временамъ переби-
рая узелки и приводя себѣ на память означенныя ими
происшествія, я не могъ позабыть, когда что случи-
лось съ нами.

Между тѣмъ Г. *Муру* сказали за тайну карауль-
ные наши, что намъ недолго жить въ *Хакодаде*, но
мы имъ не вѣрили, ибо имѣли многіе признаки, что мы
помѣщены здѣсь на немалое время. Во первыхъ дали
намъ новыя тяжелыя на нашъ халаты, которые
Японцы для сна въ мѣсто одѣяла употребляютъ
и рѣдко берутъ съ собою въ дорогу; а во вторыхъ
около стѣны нашей тюрьмы, въ двухъ разныхъ мѣ-
стахъ, построили, чрезъ нѣсколько дней по прибытіи
нашемъ, караульные дома, и во внутреннемъ распо-
ложеніи сдѣлали вновь нѣкоторыя перемѣны.

Поутру 28 Августа повели насъ во второй разъ
къ Градоначальнику, точно такимъ же порядкомъ и
тѣмъ же пушемъ, какъ и прежде. Въ замкѣ посадили
на прежнее мѣсто и во всемъ по прежнему ввели къ
судебную залу. — Число бывшихъ тамъ Чиновниковъ было
то же, что и прежде и также они сидѣли, съ того
токмо разностию, что при входѣ нашемъ, главнаго На-
чальника шутъ не было, а вышелъ онъ изъ за ширмы,

минулъ десять спускъ. Занявъ свое мѣсто, вынулъ онъ изъ за пазухи шепрадь, всю исписанную и положилъ передъ собою; потомъ, назвавъ каждого изъ насъ, смотря въ шепрадь, по фамиліи, велѣлъ переводчику сказать намъ, что отвѣты наши, на прежде сдѣланные вопросы, были отправлены къ *Матсмайскому* Губернатору (1), отъ котораго шеперь получено повелѣніе, изслѣдовать наше дѣло самымъ подробнымъ образомъ; и поному на вопросы, которые намъ станутъ они дѣлать, мы должны отвѣчать справедливо и обстоятельно, ничего не утаивая и перемѣняя, что знаемъ. Отвѣтъ нашъ былъ, что мы не имѣемъ никакой причины что либо скрывать отъ *Японцевъ*; и поному конечно все, что они желаютъ знать, объяснимъ въ истинномъ видѣ. Послѣ сего начали они дѣлать намъ вопросы, въ коихъ повпорили большую часть прежнихъ и снова записывали отвѣты наши. Вопросы сіи предлагали они шакъ безпорядочно, что и на одинъ часъ невозможно было припомнить, какой изъ нихъ послѣ какого слѣдовалъ; а припомъ ихъ шакъ много было, что не записывал на мѣстѣ, не было возможности всѣ ихъ удержатъ въ памяти. Слѣдовательно не лзя мнѣ приложитъ здѣсь

(1) По главному начальству сего Чиновника надъ всею областію, состоящею изъ *Курильскихъ* острововъ и *Сахалина*, должность его конечно соотвѣтствуетъ тому званію, что въ *Европѣ* называется Губернаторомъ; почему мы его и называли шакъ; но у *Японцевъ* онъ называется, когда объ немъ говорятъ съ почтеніемъ, *Обунію* или въ обыкновенныхъ разговорахъ *Бунію* и *Буніосо*; почему въ послѣдствіи я буду называть его *Бунію*.

вопросы ихъ такимъ порядкомъ, какъ они были намъ предлагаемы; но я помѣщу всѣ изъ нихъ, которые могъ упомянуть до того времени, какъ получили мы свободу имѣть у себя чернилицу и бумагу. Главные предметы, о коихъ они насъ спрашивали, были слѣдующіе:

„Куда *Резановъ* поѣхалъ изъ *Японіи*?“

„Какимъ путемъ онъ возвращался въ *Россію*?“

„Когда прибылъ въ *Петербургъ*?“

„Кпо далъ повелѣніе двумъ *Рускимъ* судамъ напасть на *Японскіе* берега?“

„По какой причинѣ онъ нападали?“

„Зачѣмъ сожгли селенія, суда и вещи, которыхъ съ собою увезши не могли?“

„Что сдѣлалось съ *Японцами*, увезенными на *Русскихъ* судахъ?“

„Какимъ образомъ употреблены въ *Россію* увезенное *Японское* оружіе и другія вещи?“

Въ отвѣтъ на сіи вопросы, мы объявили *Японцамъ* возвращенный путь *Резанова* въ *Камгатку*, плаваніе его къ *Американскимъ* Компанейскимъ селеніямъ, въ *Калифорнію* и возвращеніе въ *Охотскъ*; и что не доѣхавъ до *Петербурга*, онъ умеръ въ *Красноярскѣ*, а суда, нападавшія на *Японскіе* берега, были торговые, но не Императорскія; и управлявшіе ими всѣ люди не соспоили въ службѣ нашего Государя; нападеніе сдѣлали они самовольно, а цѣлью ихъ, вѣроятно была добыча, полагая, что жалоба отъ *Японцевъ* не можетъ дойти до нашего Правительсва, чему сами *Японцы* виною, объявивъ *Резанову*, что не хотѣли

съ *Русскими* имѣть никакого сообщенія. Сожженіе всего того, чего онѣ суда не могли увезти, должно было произойти также отъ своеволяства Начальниковъ; увезенные ими два *Японца* были въ *Охотскѣ* на волю, а не въ заключеніи; они, воспользовавшись своею свободою, взяли ночью лодку и уѣхали, а послѣ объ нихъ ничего не было слышно.

Японцы желали знать имена Начальниковъ Судовъ дѣлавшихъ на нихъ нападеніе, и удивились, когда мы ихъ называли *Хвостовъ* и *Давыдовъ*. Они тотчасъ спросили насъ, шѣли это люди, которые извѣстны имъ подъ именемъ *Никола-Сандреетъ* (Николай Александровичъ) и *Гаврило-Ивановъ* (Гаврило Ивановичъ). Мы не понимали, какимъ образомъ *Японцы* могли знать ихъ имена и отчества, а фамилій не знали. Сначала мы подумали, не шѣли два промышленные, которые, побоясь обѣщаннаго имъ *Хвостовымъ* наказанія, бѣжали отъ него къ *Японцамъ* при островѣ *Иттурупѣ*, имъ это открыли; но въ такомъ случаѣ конечно узнали бы *Японцы* и фамилій ихъ. Оба они намъ были коротко знакомые люди, но мы не хотѣли *Японцамъ* сказать, что знаемъ какъ ихъ звали по имени и отчеству, а говорили, что они намъ извѣстны только подъ именемъ *Хвостова* и *Давыдова*, а болѣе мы объ нихъ ничего не знаемъ. Причина сему была та, что мы опасались, не извѣстно ли *Японцамъ* наше обыкновеніе знатныхъ людей и также знакомыхъ своихъ называть не по фамилій, но по именамъ; а когда бы они узнали, что *Хвостовъ* и *Давыдовъ* были намъ знакомы, тогда во-

просамъ ихъ не было бы конца; они непременно захопѣли бы знать: чьи они дѣти, какъ воспитывались, какихъ были дѣтъ, какого нрава и образа жизни, и проч. и проч.; и пошому-то, чтобъ избавишся такихъ скучныхъ, или, лучше сказать, мучительныхъ справокъ, сказали мы, что знали ихъ только по однимъ слухамъ. *Японцы* хотя прямо не отвергали нашего показанія, но по видимому, не вѣрили намъ и оставались въ томъ мнѣніи, что *Никола-Сандреесъ* не то, что *Хвостовъ*.

Наиболѣе они спарались узнать отъ насъ, почему, послѣ перваго на нихъ нападенія, допустили ихъ въпорочно напасть на *Японцевъ*. Мы отвѣчали, что намъ точно неизвѣстно, отъ чего это произошло, но причиною, по мнѣнію нашему, должно быть то, что служившіе на упомянутыхъ судахъ люди ушайли свои поступки отъ *Капитанскаго Начальника*. *Японцы* эпитъ довольны не были; они подозрѣвали даже, не былъ ли изъ насъ кто нибудь при сдѣланныхъ на нихъ нападеніяхъ или по крайней мѣрѣ, не находились ли тогда мы сами въ *Капитанкѣ*; почему и разспрашивали насъ съ величайшею подробностію о нашемъ пути, времени отбытія, въ разныхъ мѣстахъ отдохновенія, и остановкахъ, отъ самаго *Кронштата* до *Петропавловской* гавани, сличая время нашего прихода со временемъ, когда были учинены набѣги на ихъ берега. Другое ихъ подозрѣніе противъ насъ, какъ мы замѣтили по вопросамъ ихъ, состояло въ томъ, не пошли ли мы изъ *Петербурга*, по возвращеніи шуда *Резанова*, въ

сѣдствие сдѣланнаго имъ Правительству представленія о неудачѣ его посольства; на сей конецъ они разспрашивали насъ: зачѣмъ мы посланы были такъ далеко; какъ велико и какъ вооружено было наше судно; сколько людей, пушекъ и мѣлкаго оружія мы имѣли. При семъ случаѣ сдѣлали они нѣсколько и смѣшныхъ вопросовъ: по крайней мѣрѣ по совершенству, до коего доведено наше мореплаваніе, они должны показаться смѣшными; какъ напримѣръ: какимъ образомъ мы могли такъ долго бытъ въ морѣ, не заходя никуда за сѣвѣнными припасами, за водою и дровами; зачѣмъ *Рускіе* строятъ такіа крѣпкія суда, что онѣ такъ долго въ открытыхъ океанахъ могутъ плавать; зачѣмъ мы имѣемъ пушки и оружіе; зачѣмъ плыли океаномъ, а не вблизи береговъ отъ самаго *Петербурга* до *Камчатки*. и. т. п. Главную причину нашего похода, то есть, что мы посланы были для открытій и описи малоизвѣстныхъ береговъ, мы отъ нихъ утаили, опасаясь навесити тѣмъ подозрѣніе на себя, какъ то я выше упомянулъ; а сказали, что пришли мы въ *Камчатку* съ разными казенными вещами, нужными для здѣшняго края. Разсиранивая о нашемъ плаваніи, не упускали они, подъ видомъ, поштороннихъ вопросовъ, будто для одного любопытства, спросить, между прочимъ, разстояніе отъ *Камчатки* до *Охотска*, а отсюда до *Иркутска* и до *Петербурга*; и во сколько дней почта и путешественники, обыкновенною и скорою ѣздою, могутъ оное разстояніе перѣѣхать; но мы довольно ясно видѣли, что вопросы сіи

клонились къ тому, чтобъ опредѣлить имъ точнѣе, могъ ли *Резановъ* быть въ *Петербургѣ* до нашего отбытія. Для той же самой причины, спрашивали они насъ и о возвращеніи корабля *Резанова*, и извѣдывали, точно ли это правда, что корабль его безъ него воротился въ *Петербургѣ*, а онъ самъ остался въ *Калигакѣ*, и на другомъ суднѣ ѣздилъ въ *Америку*.

Японцы судили по малому пространству своихъ владѣній и по крайне ограниченному сношенію ихъ съ иностранцами, гдѣ всякое малѣйшее происшествіе, въ которомъ замѣшающіяся чужеземцы, занимаетъ все ихъ Государство, какъ весьма важное и великое приключеніе, достойное быть во всей онаго подробности предано позднѣйшему потомству; и потому воображали, что не только *Россія*, но даже вся *Европа* должна знать о нападеніяхъ *Хвостова*; а это ихъ мнѣніе было причиною, что они намъ не вѣрили и думали, будто мы въ состояніи дать имъ подробной обо всемъ отчетъ, но не хотѣли. Сомнѣніемъ и странными своими вопросами они насъ доводили иногда до того, что мы имъ съ досадою говорили: „неужели вы можете воображать, что бы такой малозначащей клочекъ земли, какова *Японія*, котораго и существованіе не вѣмъ *Европейцамъ* извѣстно, могъ обращать на себя вниманіе просвѣщенныхъ народовъ до такой степени, что каждой человекъ долженъ знать о всѣхъ подробностяхъ, какъ на нѣкоторыхъ ваши селенія нападали самовольно два незначашія купеческія суднишка? Довольно и того, что вамъ говорятъ и доказываютъ, что нападеніе было

своевольно, безъ воли *Русскаго Императора!* " Такими нашими замѣчаніями они ошнудъ не обижались, а только смѣялись. *Японцы* одарены удивительнымъ терпѣніемъ; каждой изъ своихъ вопросовъ повворяли они по два и по три раза, стараясь всѣми мѣрами, чшобы переводчики мысли ихъ намъ, а ошвѣты наши имъ переводили со всякою точностію; иногда по часу и болѣе занималъ ихъ одинъ какой нибудь вопросъ; но не взирая на такое безпокойство, они не показывали ни малѣйшаго неудовольствія, и даже между дѣломъ вмѣшивали, какъ будшо для отдохновенія, бездѣльные вопросы и донышывались ошвѣта съ такою же точностію; напри-мѣръ спросили у насъ: чья должностъ на кораблѣ предсказывать вѣтры и погоды и назначать время, когда ошплывать въ путь; и когда мы сказали, что у насъ нѣтъ особеннаго для сего челоѣка, а эшо зависить ошъ воли корабельнаго Начальника, шо они изумились, пошому, что у нихъ на всякой лодкѣ ешть такой челоѣкъ, и ошяшъ повворили вопросъ.

Они насъ продержали до самаго вечера, позволивъ раза два выйти для отдохновенія и обѣда. Обѣдъ нашъ принесенъ былъ нашими работниками и состоялъ въ кашѣ и виленыхъ сельдяхъ. Въ прибавокъ къ шому дали намъ *Японскаго вина саги* по чайной чашкѣ; а во время ошдыха подчивали куришельнымъ табакомъ и чаемъ съ сахаромъ, что между *Японцами* считается немалозначащимъ угощеніемъ. Вечеромъ возирались мы изъ замка обыкновеннымъ порядкомъ и нашли свое жилище въ прежнемъ положеніи.

На другой день, 29 Августа, поутру опять пошли мы къ Градоначальнику. *Японцы* и въ семъ случаѣ строго держались прежняго порядка въ нашемъ шествіи. Коль скоро введены мы были въ залу и главной Начальникъ вышелъ, то сѣвъ на свое мѣсто, вынулъ онъ изъ за пазухи нѣсколько бумагъ, изъ которыхъ одну отдалъ первому по немъ Чиновнику *Отахи-Коеки*, а сей подѣвъ него сидѣвшему, отъ коего отдана она была въ руки переводчику *Кумаджеро*, которой развернувъ оную, сказалъ намъ по повелѣнію Начальника, чтобы мы ее прочитали и съ сими словами положилъ оную передъ нами. Взглянувъ на бумагу, мы въ ту же секунду увидѣли, что она была подписана всѣми нашими офицерами, оставшимися на шлюпѣ. Неожиданное сіе явленіе пронудило насъ чрезвычайно. Мы поспѣхъ представили себѣ прежнее свое состояніе и нынѣшнее, и воображая, что это послѣднее къ намъ письмо отъ нашихъ друзей, съ которыми такъ долго вмѣстѣ служили, а теперь вѣроятно уже никогда не увидимся, мы не могли удержаться отъ слезъ; а особливо Г. *Мурбъ*: онъ былъ такъ пронутъ, что упалъ на колѣна, и приложивъ письмо къ лицу, горько плакалъ. *Японцы*, шутъ бывшіе, смотрѣли на насъ съ большимъ вниманіемъ не спуская глазъ, и кромѣ *Отахи-Коеки*, всѣ были пронуты; у нѣкоторыхъ даже на глазахъ показались слезы, которые они старались скрыть; а *Отахи*, напрошивъ шого, смѣялся. Письмо сіе было слѣдующаго содержанія:

„Боже мой! доставяшь ли вамъ сіи строки и живы ли вы? Сначала общимъ мнѣніемъ всѣхъ оставшихся

„на шлюпѣ офицеровъ, утверждено было принимать
 „миролюбивыя средства, для вашего освобожденія; но
 „въ самую сію секунду ядро съ крѣпости пролетѣло
 „мимо ушей нашихъ на дальное разстояніе чрезъ
 „шлюпъ; отъ чего я рѣшился произвести и нашъ
 „огонь. Что дѣлать? какія предпринимать средства?
 „Малость нашихъ ядеръ сдѣлала мало впечатлѣнія на
 „городъ; глубина не позволяла подойти ближе къ бе-
 „регу; малочисленность наша не позволяетъ высадить
 „десантъ; и такъ, извѣщая васъ о семъ, мы предпри-
 „няли послѣднее средство: поспѣшишь въ *Охотскѣ*, а
 „тамъ, если умножатъ наши силы, то возвратимся
 „и не оставимъ здѣшнихъ береговъ, пока не освобо-
 „димъ васъ, или положимъ жизнь свою за васъ, поч-
 „тенный Начальникъ, и за васъ, почтенные друзья!
 „Если *Японцы* позволятъ вамъ отвѣчать, то пред-
 „писывай, почтенный *Василій Михайловичъ*, какъ
 „Начальникъ; мы все сдѣлаемъ на шлюпѣ; всѣ до одно-
 „го человека готовы жизнь свою положить за васъ.
 „Юля 11 дня 1811 года.

„Жизнію преданный *Петръ Рикордъ*

„Жизнію преданный *Илья Рудаковъ*.“

и проч. и проч.

Когда мы прочитали письмо нѣсколько разъ, то
Японцы требовали, чтобы мы перевели его. Намъ не
 хотѣлось открыть имъ, что шлюпъ былъ не въ со-
 стояніи сдѣлать имъ ни малѣйшаго вреда, хотя и же-
 лалъ бы того, и что принужденъ онъ идти въ *Охотскѣ*
 съ намѣреніемъ получить тамъ подкрѣпленіе; и попому

слѣдуя собственному нашему честолюбію и не желая дать *Японцамъ* презирать нашу силу и возгордиться, будто они могли опразить нашъ шлюпъ, мы сочли за нужное дать въ нѣкошорыхъ строкахъ другой толкъ нашему письму: палубу шлюпъ произвелъ, по нашему переводу, въ собственную свою защищу, но не съ тѣмъ, чшобы на *Японцевъ* нападать, ибо они первые начали палишь въ него съ крѣпоси; малость ядеръ истолковали мы малымъ числомъ выстрѣловъ; десантъ означало не то, чшобъ съѣхашъ на берегъ и напасъ на крѣпость, но окружить оную, чшобы не дать способу *Японцамъ* насъ увести изъ оной; для сей-то цѣли на шлюпъ было мало людей; умножишь силы въ *Охотскѣ*, значило умножишь или распространишь власть дѣйствовать, ибо настоящимъ образомъ безъ воли Правительства напасъ на *Японцевъ*, шлюпъ не моръ.

Когда мы перевели сіе письмо такимъ образомъ, что *Японцы* поняли наши мысли; на что было употреблено слишкомъ часть. Тогда они меня спросили, что бы я написалъ на шлюпъ, если бы *Японцы* въ *Кунаширѣ* позволили мнѣ отвѣчать. Чшобы шлюпъ, сказалъ я, ничего не предпринимая, шелъ скорѣе къ *Рускимъ* берегамъ и донесъ обо всемъ случившемся Правительству. По окончаніи распросовъ о письмѣ, приступили они опять къ другимъ вопросамъ; изъ коихъ весьма многіе были тѣ же, на кошорые мы наканунѣ дали имъ доспащочные отвѣты, а другіе были новые, кошорые они предлагали намъ также безпорядочно какъ и прежде, перемѣшивая ихъ съ старыми и вѣшивая между ими ка-

кія нибудь бездѣлицы. — Важѣйшіе ихъ вопросы были слѣдующіе:

Знали ли мы о посольствѣ *Лаксмана* въ *Японію*, и какой отвѣтъ ему дали *Японцы*?

Знали ли, какой отвѣтъ сдѣланъ *Резанову* въ *Нагасаки*?

Зачѣмъ мы пришли къ ихъ берегамъ, когда *Японцы* запретили *Рускимъ* ходить, объявля *Резанову* именно, что у нихъ существуетъ законъ, по которому приходящіе къ нимъ, кромѣ порта *Нагасаки*, иностранныя суда должно жечь, а людей брать въ плѣнъ и вѣчно держать въ неволѣ?

На сіи вопросы отвѣты наши заключались въ слѣдующемъ: о посольствѣ *Лаксмана*, о сдѣланномъ ему отвѣтѣ *Японцами*, а также и о томъ, что они сказали *Резанову*, знаемъ мы по однимъ слухамъ въ публикѣ, но не по обнародованнымъ описаніямъ; и слышали, что *Японцы* не хотѣли позволить *Рускимъ* кораблямъ приходить къ нимъ для торгу: но мы никогда не слыхали и даже вообразить не могли, чтобы запрещеніе сіе могло простираеться на тѣ суда, которыя, бывъ по близости *Японскихъ* береговъ, претерпявъ какое либо бѣдствіе или по случаю недостатка въ чемъ либо для нихъ необходимомъ, будутъ имѣть нужду въ ихъ пособіи: ибо большая половина самыхъ необразованныхъ, дикихъ народовъ никогда не отказываешь дававъ прибѣжище и помощь бѣдствующимъ мореплавателямъ; по сей-то самой причинѣ и мы, имѣя крайнюю нужду въ необходимыхъ жизненныхъ припа-

сахъ, и находясь недалеко отъ *Курильскихъ* острововъ, искали между ими пристанища, гдѣ, встрѣтивъ случайно *Японскаго* Чиновника, получили отъ него письмо и дружеское увѣреніе, что нуждамъ нашимъ пособить его соотечественники въ *Урумтѣ*, куда въспры насъ не допустили, и пошому мы пришли въ *Кунаширѣ*, гдѣ употребили всѣ средства обойтись дружески съ *Японцами* и изъяснить имъ свои надобности, но они съ нами поступили иначе.

Японцы желали, чтобы мы рассказали имъ всѣ происшествія, съ нами случившіяся по порядку, съ самаго перваго нашего свиданія съ ихъ отрядомъ на островѣ *Итурупѣ* до той минуты, какъ захватили насъ на *Кунаширѣ*. При семъ случаѣ они пришворались и дѣлали видъ, какъ будто ничего прежде о семъ дѣлѣ не слышали; а особливо удивлялись они, что Начальникъ *Кунаширской* не прислалъ къ нимъ вещей, оставленныхъ нами въ кадкѣ на водѣ и въ разныхъ мѣстахъ на берегу; потомъ спрашивали они насъ, куда мы шли, когда повстрѣчалась надобность въ жизненныхъ припасахъ, и потребовали, чтобы мы показали имъ нашъ путь на картѣ; въ чемъ мы ихъ удовлетворили, указавъ мѣсто нашего назначенія согласно съ прежнимъ нашимъ объявленіемъ. Между тѣмъ *Японцы* и сего числа, между прочими непосредственно къ общему нашему дѣлу принадлежащими вопросами, спрашивали насъ о разныхъ постороннихъ предметахъ, какъ напримѣръ: о жилищяхъ *Даніи*, *Англіи* и другихъ земель, гдѣ мы проходили; въ какихъ мѣстахъ у насъ суда строятся, изъ

какого лѣса, какъ скоро и прочее; а при томъ, подъ предлогомъ любопытства, спросили: великили у насъ сухопутныя и морскія силы въ здѣшнемъ краю? Обстоятельствъ и положеніе дѣлъ между двумя Державами требовали, чтобы мы увеличили и то и другое; почему въ *Сибири* прибавили мы довольно крѣпостей и войскъ; а также и въ числѣ судовъ не скупились и разсылали ихъ по портамъ *Охотскаго* берега, по *Камчаткѣ* и по сѣверо-западному берегу *Америки*; а между прочимъ слѣпой случай заставилъ насъ сказать, что и въ *Петропавловской* гавани немало у насъ Императорскихъ судовъ. Когда же *Японцы* спросили, сколько, то мы нечаянно, къ бѣдѣ нашей, какъ то послѣ окажется, попали на число семь. Сегоднѣшнее наше свиданіе съ *Японскими* Чиновниками также было продолжительно, какъ и вчерашнее; по временамъ мы выходили отдыхать, обѣдали, и были угощаемы на дворѣ сагою, табакомъ и чаемъ, а вечеромъ, возвратились въ свою тюрьму такимъ же порядкомъ, какъ и прежде.

Въ слѣдующіе два дни насъ не призывали; но мы замѣтили, что *Японцы* стали обходиться съ нами ласковѣе; позволяли давать нашимъ маэпрозамъ горячей воды и выпускали ихъ по одному въ коридоръ для мытья своего и нашего бѣлья (1); дали намъ по чистой

(1). Съ самаго того дня, какъ насъ взяли по сіе время *Японцы* только одинъ разъ въ дорогѣ вымыли наши рубашки, и то по неимѣнію мыла очень дурно, и такъ легко вообразишь себѣ можно, до какой степени мыли онѣ

рубашкѣ изъ присланнаго къ намъ платья, а также и машрозамъ, по прозьбѣ нашей, дали изъ нашего бѣлья по одной рубашкѣ, согрѣли для насъ ванну и позволили вымыться (1); и наконецъ многіе изъ дежурныхъ Чиновниковъ, посѣщая насъ въ опредѣленные часы, приносили намъ гостинцы, какъ то: хорошій чай, сахаръ, фрукты, *sagu* и прочее; а особливо одинъ по имени *Осагаванакаэмо* былъ къ намъ чрезвычайно хорошо расположенъ, ни одного своего дежурства не пропускалъ,

были черны и даже гадки; сѣдовашельно позволеніе вымыться ихъ, должны были мы почесть не мало важнымъ снисхожденіемъ.

- (1) Ванну *Японцы* сдѣлали для насъ въ пребольшемъ чану, нагрѣвъ воду посредствомъ вставленной въ боку чана мѣдной трубы съ небольшою каморою вмѣсто печки, въ которой жгли дрова нѣсколько часовъ сряду пока вода не согрѣлась. Они насъ посылали мыться по очереди, начиная съ меня и до *Алексѣя*, и всѣхъ въ одной и той же водѣ. Сначала намъ это показалось досадно; мы думали, что они въ семъ случаѣ поступаютъ съ нами, какъ съ презрѣнными преступниками, которыхъ восемь человекъ могутъ мыться въ одной грязной водѣ, но успокоились совершенно съ сей стороны, когда, къ немалому нашему удивленію, увидѣли, что послѣ всѣхъ насъ въ той же самой водѣ, не прибавляя ни капли свѣжей, мылись три или четыре человека изъ нашихъ караульныхъ солдатъ Императорской службы. Званіе сіе, какъ я выше упоминалъ, довольно почтенное въ *Японіи*. Изъ сего видно, что *Японцы* ни мало не брезгливы и не имѣютъ отвращенія къ *Христіанамъ*, которыхъ многіе другіе *Азіатцы* считаютъ существами погаными.

чтобъ не сдѣлать намъ какого нибудь ласковаго привѣщанія и не принести гостинцу; мы послѣ узнали, что судно, на которомъ ѣхалъ его братъ родной, недавно безъ вѣсти пропало; и такъ можетъ быть мысль, что онъ гдѣ нибудь терпѣлъ подобно намъ такую же горькую участь, заспаивала его болѣе другихъ объ насъ соболѣзновать и имѣть попеченіе.

Но за всѣ эти снѣзхожденія, насъ нѣсколько утѣшавшія, *Японцы* открыли намъ такую новостъ, которая вдругъ повергла насъ въ ужасное уныніе. 31 Августа поутру при обыкновенномъ посѣщеніи насъ дежурнымъ офицеромъ, лекаремъ и переводчикомъ, сей послѣдній говорилъ съ Г. *Муромъ* что-то, въ которое я вслушаться не могъ, и подалъ ему бумагу. *Муръ*, принявъ оную, притворно смѣялся и говорилъ, что это обманъ; потомъ вдругъ сказалъ мнѣ прерывающимся голосомъ, какимъ обыкновенно говоритъ человѣкъ въ страхѣ и смущеніи: „*Василій Михайловичъ!* слушайте!“ и началъ читать слѣдующее:

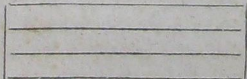
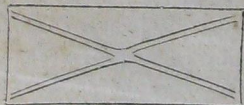
N 5.

„1806 года Октября $\frac{19}{21}$ дня *Россійскій* фрегатъ „*Юнона*, подъ начальствомъ флота Лейтенанта *Льстова*, въ знакъ принятія оспрова *Сахалина* и жителей онаго подѣ Всемилостивѣйшее покровительство „*Россійскаго Императора Александра Перваго*, „старшинѣ селенія на западномъ берегу губы *Анивы*,

„пожаловалъ серебряную медаль на Владимірской лѣн-
 „тѣ. Всякое другое приходящее судно, какъ *Россійское*
 „такъ и иностранное, просимъ старшину сего прини-
 „мать за *Россійскаго* подданнаго.

Подписано: { „*Россійскаго флота*
 { „*Лейтенантъ Хаостовъ*“

„У сего приложена
 „герба фамиліи
 „моей печать.“

Теперь всякъ легко можетъ себѣ представить на-
 ше положеніе! Могли ли мы тогда вообразить, что
Японцы намъ повѣрятъ? Правительство ихъ, крайне
 оспорожное и осмотрительное въ принятій мѣръ, на-
 блюдающее величайшую точность въ исполненіи оныхъ,
 чрезвычайно взыскательное за самомалѣйшія упущенія,
 и строго или лучше сказать жестоко наказывающее за

всякое преступленіе и пріобыкшее о законахъ другихъ державъ судишь по сравненію съ своими собственными, могло ли бытъ убѣждено одними нашими словами, чтооь человекъ, такъ мало значащій въ Государствѣ, осмѣлился простерть дерзость свою столь далеко, чтооь брать самовольно формальнымъ актомъ народъ, въ чужей зависимости находящійся, въ подданство *Россіи*, не имѣя при томъ силъ удержавъ владѣнія надъ онымъ, и раздавать полудикимъ людямъ медали съ изображеніемъ своего Государя? Бумага сія увѣряла *Японцевъ*, что нападавшіе на нихъ дѣйствовали по волѣ нашего Императора. Въ такомъ случаѣ они насъ не иначе должны были счищать, какъ шпионами, которые думали въ *Японцяхъ* сыскать дураковъ, и увѣришь, что нападенія на нихъ сдѣланы были своевольствомъ частнаго лица, а между тѣмъ высмотрѣшь ихъ берега и укрѣпленія. Сколь жестоко ни шло насъ сіе приключеніе, однакожь мы не потеряли твердости и смѣло сказали *Японцамъ*, что если они намъ не вѣрятъ, то пусть убьютъ; смерть насъ не спрашитъ, а рано или поздно дѣло сіе откроется въ настоящемъ видѣ. *Японцы* станутъ рассказывать въ своемъ легковѣріи и пожалѣютъ объ нашей участи, но уже пособишь будетъ поздно; намъ только то больно, что *Японцы* такъ дурно мыслятъ о нашемъ Правительствѣ. Какъ могутъ они думать, чтобы Монархъ такой великой и сильной Имперіи, какова *Россія*, унижилъ себя до такой степени, чтооь послать горсть людей разорять беззащитныя селенія, и пустыя земли присвоивать своему скипетру? И тѣмъ?

Раздачею медалей съ его изображеніемъ и бумагъ за подписаніемъ Начальника торговаго судна, которыя были вручены людямъ, никакого понятія о ихъ значеніи не имѣющимъ! Такой поступокъ заслужилъ бы одно посмѣяніе; но если бы обстоятельства заставили *Россійскаго* Императора послать медали съ своимъ изображеніемъ въ какое либо чужое Государство, то мы смѣло можемъ *Японцевъ* увѣрить, что порученіе это не на *Хвостова* было бы возложено, посланной не спалъ бы ни жечь, ни грабить бѣдныхъ поселянъ, и мѣры взяты были бы инымъ образомъ. „Смѣшно было бы причестъ волю *Японскаго* Императора поступокъ двухъ или трехъ вашихъ купеческихъ судовъ, сдѣлавшихъ на какомъ нибудь нашемъ *Курильскомъ* острову, тоже, что *Рускія* суда у васъ сдѣлали.„ *Японцы* объясненіе наше слушали со вниманіемъ и на все говорили: *да! такъ!* но сами смѣялись, и, казалось, ни чему не вѣрили. Они хотѣли знать настоящее значеніе бумаги *Хвостова*, гдѣ онъ взялъ медали, и дѣйствительно ли *Хвостовъ* и *Никола - Сандреесъ* одинъ и тошъ же человекъ. При переводѣ бумаги мы принуждены были увѣрять *Японцевъ*, что *Россійскій* фрегатъ не значить то, чтобы это было Императорское военное судно, ибо фрегатъ можетъ быть и купеческой, а *Россійскій* означаетъ, что онъ принадлежитъ *Рускии*. Другую перемену мы сдѣлали въ изъясненіи *Владимірской* ленты, назвавъ оную полосатою лентою; ибо мы уже хорошо знали пріятелей своихъ, *Японцевъ*: если бы сказали имъ истинное значеніе сего наимено-

ванія, то они стали бы насъ пять или шесть часовъ мучить вопросами; надлежало бы сказать, кто учредилъ орденъ сей, на какой конецъ, кто былъ *Владимиръ*, когда царствовалъ, чѣмъ прославился, почему ордену дано его имя, есть ли какіе другіе ордена въ *Россіи*, какія ихъ преимущества и ш. п. словомъ надобно было бы объяснять имъ всѣ наши орденскіе спашушъ; теперь же все это изъяснено однимъ словомъ полосатой ленты. Что принадлежишъ до медалей, то мы сказали *Японцамъ*: „хотя никто въ *Россіи* не имѣетъ права носить медали, кому не пожалована она Государемъ, но серебряныя медали даются у насъ рядовымъ за храбрость, оказанную ими на войнѣ и также другимъ невысокаго состоянія людямъ за какую нибудь услугу отечеству, и ихъ можно купить послѣ умершихъ; *Хвостовъ* же купилъ ли эти медали или снялъ съ своихъ подчиненныхъ промышленныхъ, которые могутъ быть, находившись прежде въ Императорской службѣ, ихъ получили, намъ неизвѣстно; въ разсужденіи же его имени, мы только можемъ сказать, что судами, нападавшими на ваши берега, дѣйствительно начальствовалъ бывшій въ службѣ торговой компаніи Лейтенантъ по имени *Хвостовъ*; если онъ вамъ извѣстенъ, подѣ именемъ *Никола-Сандреесъ*, то это одинъ и тотъ же человекъ. Съ такими нашими отвѣсами *Японцы* ушли отъ насъ.

На другой день (1 Сентября) поутру привели насъ въ замокъ къ Градоначальнику, наблюдая во всемъ прежній порядокъ, а сверхъ того, по причинѣ бывшаго

погда дождя, шель подлѣ каждого изъ насъ работникъ и несъ надъ головою зонтикъ, чтобы насъ не замочило. Такую же предосторожность и послѣ они всегда брали, когда водили насъ въ ненастную погоду. Тамъ сначала они насъ спрашивали о грамахъ и медаляхъ *Хвостова*; на вопросы ихъ изъясненія наши были тѣже, которыя наканунѣ мы сдѣлали переводчику. Сверхъ того они желали знать, что значили флаги, при концѣ бумаги нарисованные, и зачѣмъ они шупъ помѣщены?—„Одинъ ихъ нихъ, отвѣчали мы, называеяся военной флагъ и употребляеяся Императорскими военными судами; а другой купеческій для торговыхъ судовъ; но за чѣмъ они шупъ нарисованы, мы не знаемъ, а думаемъ, что *Хвостовъ* хотѣлъ васъ научить, какъ узнавать *Рускія* суда обоого званія, то естъ военныя и купеческія“. Однакожъ *Японцы* думали не то, и спросили насъ: можешь бышь, оба сіи флаги принадлежать Императорскимъ военнымъ судамъ; но одинъ изъ нихъ поднимается погда, когда онѣ приходять съ непріятельскими намѣреніями, а другой когда цѣль ихъ естъ торговля (1); но мы ихъ увѣряли, что въ *Европѣ* военныя суда никогда не торгуютъ. Потомъ они спросили насъ, почему *Хвостовъ* приходилъ къ нимъ

- (2) *Японцамъ* немудрено было заключить, что у насъ военные корабли торгуютъ; ибо у нихъ весь иностранной торгъ съ *Голландцами*, *Китайцами*, *Корейцами* и жителями *Ликейскихъ* острововъ принадлежитъ Императору. Онъ скупаетъ всѣ привозимые ими товары и послѣ отсылаетъ ихъ на своихъ судахъ во всѣ порты Государ-

подъ военнымъ флагомъ,, Бывъ въ такомъ мѣстѣ, сказали мы, откуда никто не могъ поступки его довести до свѣденія нашего Правительсва, онъ былъ въ силахъ все дѣлать, что хотѣлъ, и даже поднимъ флагъ (шпандаршъ), которой только поднимается въ присутствіи одного нашего Императора. За сей неосмотрительной отвѣтъ Японцы помучили насъ часа два вопросами: какой фигуры эпошъ флагъ, великъ ли, что на немъ изображено, въ какихъ случаяхъ онъ поднимается, часто ли Государь прѣзжаетъ на корабли и проч. и проч.

Между вопросами своими о бумагъ Хвостова, Японцы спрашивали насъ и о другихъ предметахъ, изъ коихъ, по видимому, болѣе всего занимали и безпокоили ихъ двѣ небольшія мѣдныя дощечки, оставленныя нами на Итурупѣ и на Кунаширѣ; на первомъ изъ сихъ острововъ мы вручили ее самому Японскому Чиновнику, а на последнемъ оставили въ пустомъ селеніи. На сихъ дощечкахъ была вырѣзана слѣдующая Латинская и Руская надпись:

Nav: Imp: Rus: Diana.

Ap: Dom: 1811.

Е. И. В. Шлюбъ Діана. Капитанъ-
Лейтенантъ Головинъ.

ства, а нѣкоторую часть и на мѣстѣ продаетъ купцамъ оптомъ.

Мы оставляли такія дощечки на всѣхъ островахъ, нами посѣщаемыхъ, какъ на обитаемыхъ, такъ и на шѣхъ, гдѣ жителей не было, прибывая оныя къ деревьямъ; съ шѣмъ, чтобы въ случаѣ кораблекрушенія и гибели нашей, со временемъ могло быть открыто, гдѣ мы были и гдѣ должно было послѣдовать несчастіе съ нами. Объяснивъ сіи причины *Японцамъ*, мы не могли ихъ убѣдить въ истинѣ. Сначала они нѣсколько разъ принимались спрашивать насъ, что значить надпись и требовали объясненія на каждое слово порознь; переспавля иногда ихъ въ другой порядокъ и надѣясь шѣмъ насъ запутать; потомъ сказали намъ, что они слышали въ *Нагасаки* отъ *Голландцевъ*, будто такія дощечки *Европейцы* оставляютъ на шѣхъ пустыхъ островахъ, которые хотѣтъ присвоить себѣ во владѣніе, и такъ не имѣли ль и мы шого же намѣренія? Ошвѣтъ нашъ, что доски, о коихъ они говорятъ, оставляютъ есць у *Европейцевъ* обыкновеніе, только съ другою надписью, не могъ ихъ успокоить; прямо они намъ не говорили, но мы ясно могли видѣть, что они намъ не вѣрили и сомнѣвались, такъ ли мы переводимъ нашу надпись. *Японцы* весь сей день занимались съ нами. Главныя и важнѣйшіе предметы ихъ разспросовъ, были бумага *Хвостова* и наша дощечка, но они не упустили также по своему обычаю предложить намъ нѣсколько и постороннихъ, отчасти смѣшныхъ вопросовъ; напримѣръ: сколько въ *Россіи* и во всей *Европѣ* военныхъ и торговыхъ кораблей; сколько въ какой землѣ портовъ; и много еще другихъ. Возвратились мы изъ

замка уже поздно вечеромъ. Между тѣмъ, какъ выводили насъ изъ присущственнаго мѣста на дворъ обѣдать и отдыхать, мы имѣли случай обо всемъ между собою переговорить и сообщили другъ другу наши мысли. Положеніе наше всѣмъ намъ казалось самымъ ужаснымъ. Опровергнувъ подложность *Хвостова* граматы, мы считали невозможнымъ; и какъ мы ниразсуждали, но видѣли, что *Японцы* не иначе должны объ насъ думать, какъ о шпионахъ; слѣдовательно жребій нашъ будетъ: либо мучительная смерть или вѣчная неволя, что должно быть еще въ тысячу кратъ жесточе смерти. Въ побѣгъ мы находили единственное наше спасеніе; но какъ намъ можно было уйти? Мы содержались по двое; а потому всѣмъ вмѣстѣ уйти было невозможно; оппачіе иногда заставляло насъ думать, не возможно ли опкрышою силою ошибиться, когда насъ вечеромъ выведутъ изъ замка; но это была пустая мечта: сверхъ большого конвоя, мы всегда были окружены такимъ множествомъ зрителей, что насъ, такъ сказать, забросали бы грязью. И такъ мы, не находя никакого средства къ спасенію, рѣшились ожидать, когда насъ сведутъ всѣхъ вмѣстѣ, и тогда уже помышлять о побѣгѣ.

На другой или на третій день послѣ сего происшествія, когда дежурный Чиновникъ, лекаръ и переводчикъ, во время обыкновеннаго утренняго своего посѣщенія, занимались съ *Г. Муромъ* и разспрашивали его о *Рускихъ* словахъ, *Алексѣй* нѣсколько разъ проходилъ по коридору подлѣ рѣшетки моей каморки, глядѣлъ на меня пристально, изрѣдка помахивая на

Японцевъ, и, казалось, хотѣлъ мнѣ тайно отъ нихъ что-то сообщить; но когда я начиналъ съ нимъ говорить, то онъ ни слова не отвѣчалъ; наконецъ, съскавъ случай, когда *Японцы* на насъ не смотрѣли, вдругъ бросилъ ко мнѣ сквозь рѣшешку завернутую бумажку. Я потыкавъ наступилъ на нее ногою и сползалъ на одномъ мѣстѣ, пока *Японцы* не ушли; попомню, взявъ ее, нашелъ, что въ нѣсколькихъ доскушкахъ бумаги завернуто былъ небольшой желѣзный гвоздикъ и записка, гвоздемъ писанная. Подписана она была Г. *Хлббниковымъ*, но я не могъ разобрать оной, сколько ни шарался; черны многихъ словъ были неясны; я только могъ прочитывать въ разныхъ строкахъ слѣдующія слова: *Богъ, надежда, Капитанскій Исправникъ Ламакинъ, Алексѣй, Курильцы, будьте осторожны*, и нѣсколько другихъ. Я не могъ вообразить, что бы значила эта записка. Если Г. *Хлббниковъ* пишетъ о дѣлѣ, что и должно быть, то какую связь имѣешь съ нашимъ дѣломъ какой-то *Ламакинъ*, о которомъ мы отъ роду не слыхивали? Наконецъ я началъ бояться, не лишился ли онъ ума. Мысль эта жестоко меня беспокоила; поперявъ лучшаго и благоразумнѣйшаго изъ товарищей, для всѣхъ насъ было горько. Когда *Алексѣй* пришелъ опять въ нашъ коридоръ вечеромъ, я спросилъ его: не потерялъ ли ума Г. *Хлббниковъ*, и что значитъ записка его, которой я разобрать не могъ? Нѣтъ, послѣ все узнаешь! сказалъ онъ, и опять оставилъ насъ въ величайшемъ недоумѣніи. Я сообщалъ сіе обстоятельство Г. *Мурцу*, но записки послать было невозможно;

онъ также не постигалъ, какую ролю неизвѣстный намъ *Ламакинъ* могъ бы играть между *Японцами* и нами.

Напослѣдокъ 4 Сентября повели насъ опять въ замокъ, гдѣ по обыкновенію до представленія Градоначальнику, посадили на дворѣ на скамейки и дали курить табакъ. Тутъ мы имѣли случай свободно говорить, и *Г. Хлѣбниковъ* открылъ намъ ужасную тайну, въ которой *Алексѣй* ему признался. Она состояла въ томъ, что когда *Японцы*, захвативъ слишкомъ за годъ предъ симъ *Алексѣя* и его товарищей, разспрашивали ихъ, зачѣмъ они пріѣхали, то *Курильцы*, вмѣсто вымышленной ими басни, которую они намъ рассказывали на *Діанѣ*, объявили *Японцамъ*, что ихъ послалъ *Капитанской* Исправникъ *Ламакинъ* высмотрѣть *Японскія* селенія и крѣпости; а на вопросъ ихъ, зачѣмъ ему это надобно, они отвѣчали, что на другой годъ (1) придуть къ *Японцамъ* изъ *Петропавловской* гавани 7 судовъ (2): 4 въ *Матсмай*, а 3 на *Итицуцубъ*, за тѣмъ же точно, зачѣмъ приходилъ *Хвостовъ*. *Курильцы* вымыслили сію сказку съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы ошлечь бѣду отъ себя и увѣрить *Японцевъ*, что они

(1) То есть точно въ то время, когда мы пришли къ ихъ берегамъ, какъ будто нарочно, чтобы подшвердить показаніе *Курильцевъ*.

(2) Не должно позабыть, что прежде сего слѣпой случай заставилъ насъ попасть на число семь, говоря о судахъ находившихся въ *Петропавловской* гавани.

силою принуждены были *Русскими* къ нимъ ѣхать. Теперь же *Алексѣй* просилъ *Г. Хлѣбникова* уговорить насъ, чѣлобъ мы подтвердили, что они точно были посланы *Ламакинымъ*. Пусть всякъ теперь поставитъ себя на нашемъ мѣстѣ и вообразишь, въ какомъ мы должныствовали бытъ положеніи! Медали и граматы имъ розданные и наконецъ послѣднее объявленіе *Курильцевъ*, все убѣждало *Японцевъ*, что мы ихъ обманываемъ; а доказательства въ нашу защиту въ томъ только и состояли, что Государь нашъ употребилъ бы большую силу, нежели два судна, если бы хотѣлъ объявить войну *Японіи*. Но развѣ *Японцы* не могли приписать слабago на нихъ нападенія худо обдуманнѣмъ мѣрамъ нашего Привѣтствія, или безсилію пограничныхъ съ ними нашихъ областей, состояніе коихъ хорошо имъ извѣстно по описанію многихъ изъ ихъ людей, проѣзжавшихъ чрезъ всю *Сибирь* и даже до *Петербурга*? Самое сильное противъ насъ доказательство заключалось въ *Алексѣѣ*. Я уже сказывалъ, что онъ требовалъ нашего подтвержденія вымышленной имъ и его соотечественниками лжи; это значило, чѣлобъ мы, бывъ правы, обвинили сами себя, а его виноватаго оправдали. Мы заключили, что онъ конечно насъ настоятельно станеть утверждать справедливость своего показанія, и постарается всѣми мѣрами насъ обвинить; и если мы откажемся на его прозбу, то онъ болѣе будетъ ожесточенъ противъ насъ, и опасаясь наказанія по возвращеніи въ *Россію*, конечно употребитъ всѣ способы, чѣлобъ намъ никогда не бытъ въ своемъ Ошечествѣ. Съ другой же спо-

роны мы и думать не могли о подтвержденіи его обмана, по причинамъ для всякаго очевиднымъ. И такъ мы сказали ему ласково и дружески, что согласишься на его просьбу никакъ невозможно, и что это было бы дѣло ни съ чѣмъ несообразное. *Алексѣй* ни слова намъ не отвѣчалъ, и заставилъ насъ думать, что мы въ немъ получили непримиримаго и опаснаго врага.

Когда насъ представили Градоначальнику, то онъ съ самаго начала спалъ насъ спрашивавъ: справедливо ли, что *Камгатскій* Исправникъ посылалъ *Курильцевъ* для высматриванія *Японскихъ* жилищъ и укрѣпленій? Получа нашъ отвѣтъ, состоявшій въ томъ, что мы этого не слыхали, да и бытъ сему никогда невозможно; они спрашивали *Алексѣя*, но ни ихъ вопроса, ни отвѣта его мы не разумѣли. Наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ бездѣльныхъ и ничего незначащихъ вопросовъ, насъ вывели, а *Алексѣя* оставили; его долго разспрашивали, а когда его привели къ намъ, и мы спросили у него, о чемъ *Японцы* съ нимъ говорили, то онъ отвѣчалъ намъ коротко и сухо: о своемъ старомъ дѣлѣ. Въ продолженіе дня, одного *Алексѣя* раза два вводили къ Градоначальнику; но онъ не хотѣлъ никогда намъ сказать, о чемъ *Японцы* разспрашивали его. Сего дня въ числѣ многихъ пустыхъ вопросовъ былъ одинъ очень важный и любопытный, показывающій мнѣніи *Японцевъ* о справедливости, и ихъ законы. Они насъ спросили, для чего мы взяли на берегу дрова и нѣсколько пшена безъ согласія хозяевъ. Мы отвѣчали, что *Японцы* должны знать, безъ сомнѣнія по донесе-

нiю *Кунаширскаго* Начальника, о всѣхъ средствахъ, употребленныхъ нами, чтобы переговорить и снестись съ нимъ; но онъ, загнавъ всѣхъ людей въ крѣпость, оставилъ пущыя селенiя по берегу и шѣмъ лишилъ насъ способа объяснить ему нужды наши; когда же мы ѣхали къ крѣпости, то онъ сирѣялъ по насъ изъ пушекъ. Мы хотѣли изъясниться съ нимъ знаками и оставили картинку и прочее на водѣ, но и это не помогло. Бывъ же обнадежены *Японскимъ* Чиновникомъ на островѣ *Итирунѣ*, что въ ихъ поршѣ, по письму его, получимъ всякое вспоможенiе, мы не возвратились къ своимъ берегамъ, что конечно сдѣлали бы, если бы не получили его письма, и не имѣли увѣренiя въ ихъ дружбѣ, отъ чего находились долго въ морѣ и издержали почти всю провизию; а это и было причиною, что лишаеь всей надежды переговорить съ *Японцами*, мы взяли въ оставленномъ ими селенiи, небольшое количество дровъ и пшена, оставивъ за нихъ плату разными *Европейскими* вещами; а сверхъ того и въ кадку еще положили вещи и серебряныя деньги; когда же *Японцы* съ нами снестись, то мы и въ крѣпость поѣхали расплатиться съ ними и спрашивали, чтобы они сами назначили цѣну. На сей отвѣтъ Градоначальникъ спросилъ насъ, есмь ли въ *Европѣ* законъ, по которому въ подобныхъ случаяхъ можно было бы брашъ чужое? Именно закона письменнаго, сказали мы, на это нѣтъ, но если человекъ, умирающiй съ голоду, найдетъ оставленное хозяевами жилище и возьметъ нужную ему пищу, положиа припомъ на мѣстѣ

плапу, далеко превосходящую цѣною взятое, то никакой *Европейской* законъ не обвинишь его. „Но у насъ другое, возразили *Японцы*: по нашимъ законамъ должно умереть съ голоду, не смѣя прогнать одного зерна пшеницы безъ согласія хозяина.“ Надобно здѣсь замѣтить, къ чести *Японцевъ*, что всѣ вопросы они намъ предлагали тихо, скромно и съ большею ласковостію, безпрестанно улыбаясь пріятнымъ образомъ, и по видимому, старались сдѣлать, чтобы вопросы ихъ ошійю не походили на слѣдственное дѣло, но на обыкновенный разговоръ между знакомыми или друзьями.

5 Сентября въ послѣдній разъ мы были у Градоначальника. До полудня *Японцы* дѣлали намъ вѣроятно разные изъ прежнихъ вопросовъ и разспрашивали весьма обстоятельно о семи челоѣкахъ, спасшихся съ ихъ судна, разбишаго на *Каиатскомъ* берегу. Мы имъ сказали о мѣстѣ и времени, гдѣ и когда судно разбило, сколько людей и какъ спасено, и что они находились при нашемъ ошбѣтѣ въ *Нижнекаиатскѣ*. Г. Муръ ихъ тамъ видѣлъ, но онъ не хотѣлъ объ этомъ сказать *Японцамъ*, опасаясь, что они замучаютъ его вопросами, которыхъ мы такъ боялись, что всѣми мѣрами старались не давать имъ повода насъ о чемъ либо разспрашивать. Послѣ полудни мы долго сидѣли на деорѣ, пили чай и курили табакъ. Въ это время переводчикъ *Куладжеро* безпрестанно къ намъ выбѣгалъ и спрашивалъ разные *Русскіе* слова, которые записавъ опять уходилъ. Наконецъ ввели насъ въ залу; тогда одинъ изъ Чиновниковъ, спарикъ лѣтъ семидесяти,

бывшій еще при *Лаксманѣ* употребленъ къ составленію *Рускаго* лексикона, развернулъ передъ нами пре-
большой листъ бумаги весь исписанный *Японскими*
характерами, и началъ оной читать, по своему обычаю,
на распѣвъ. Изъ первыхъ десяти или двадцати словъ,
мы ничего разобрать не могли, но послѣ поняли, что
онъ воображаетъ, будто читаетъ по *Руски*: слова
Россіюно, корабля, вашу Государя, Хвостосѣ (Хво-
стовъ), *огонь, Карафта* (Сахалинъ) и проч. показали
намъ, что онъ поддился сдѣлать переводъ на *Руской*
языкъ нашего дѣла. Мы не могли удержаться отъ смѣ-
ха, и сказали *Японцали*, что шумъ мы ничего не по-
нимаемъ, кромѣ небольшого числа разсѣянныхъ въ раз-
ныхъ строкахъ словъ; тогда всѣ бывшіе съ нами *Япон-*
цы, да и самъ Господинъ семидесяти лѣтній перевод-
чикъ начали смѣяться отъ всего сердца и болѣе уже
насъ не беспокоили сею бумагою. Потомъ Градоначаль-
никъ, распрощавшись съ нами, отпустилъ насъ изъ
замка.

Японцы стали съ нами обходиться еще ласковѣе, а о-
собливо караульные; они даже иногда позволяли *Г. Муру*
выходить изъ своей каморки, грѣться у огня въ кори-
дорѣ (1) и подходить къ моей рѣшеткѣ, гдѣ мы могли

(1) Въ исходъ Августа по утрамъ и вечерамъ начало стано-
виться довольно холодно; *Г. Муръ* былъ нездоровъ и
жаловался на холодъ; почему *Японцы* вѣли всякое утро
и вечеръ держать огонь въ коридорѣ противъ его ка-
морки на небольшомъ подвижномъ очагѣ.

съ нимъ разговаривашъ пошихоньку о томъ, о чемъ не смѣли говорить громко, опасаясь, нѣтъ ли между караульными, изъ тѣхъ *Японцевъ*, которые были въ *Россіи*, знающихъ *Русской* языкъ. Но содержанія нашего споломъ они не улучшивали, не смошря на то, что мы часто упрекали ихъ въ варварскихъ поступкахъ противъ иностранцевъ: однажды *Г. Муръ*, толкуя съ *Кумаджеромъ* по *Японски*, хотѣлъ сказать, что они насъ содержатъ какъ собакъ; а онъ понялъ, что *Японцы* какъ собаки насъ содержатъ, и сказалъ *Г. Муръ*, что онъ на него за это не сердится, но совѣтуешь ему впредь быть осторожнѣе, ибо если другіе услышатъ такія его замѣчанія, то ему можетъ быть худо.

Между тѣмъ мы пребывали въ ужасной неизвѣстности, какъ *Японское* Правительствѣ приметъ наши ошвѣты и объясненія, и что съ нами будетъ. Мы только видѣли, что жестокая судьба рѣшилась насъ гнать, и сверхъ спеченія земныхъ происшествій соединившихся на нашу гибель, даже и самыя знаменія небесныя явленіемъ своимъ хотѣли насъ погубить. Въ сіе время нашего заключенія видна была комета: мы желали знать, имѣютъ ли *Японцы* понятіе о сихъ тѣлахъ небесныхъ и спросили ихъ о томъ. Изъ ошвѣтовъ ихъ, мы могли только выразумѣть, что имъ извѣстно непостоянное пребываніе въ небѣ сихъ звѣздъ, и что онѣ рѣдко являющіяся. Послѣ хотѣлось намъ узнать, не почитаютъ ли ихъ *Японцы*, подобно нѣкоторымъ другимъ *Азіатскимъ* народамъ, предвѣстницами народныхъ нещасій, и если такъ, то это можетъ быть для насъ

полезно. Вѣроятно, что Японцы сочтутъ сію комету возвыщеніемъ наказанія небеснаго за ихъ несправедливый и жестокій прошивъ насъ поступокъ; а когда мы ихъ спросили: не почитаютъ ли они свѣтила сего, какимъ нибудь предвозвѣщеніемъ; тогда они, къ величайшему нашему огорченію, сказали, что въ прошлый годъ (1807), когда Рускія суда сдѣлали на нихъ нападеніе, такая же точно звѣзда видна была въ небѣ; и теперь, при нашемъ прибытіи, видимо подобное явленіе.

Сентября 13 первый по Градоначальникъ Чиновникъ объявилъ намъ, что по причинѣ наступающей холодной погоды, онъ имѣетъ повелѣніе выдать намъ теплое платье изъ числа того, которое оставилъ нашъ шлюпъ для насъ въ Кунаширѣ, и спрашивалъ, что намъ надобно; по шомъ потчасъ, по назначенію моему, выдалъ онъ мнѣ форменную шенель, фризвые фуфайку и нижнее платье, шапку, рубашку, чулки и плашокъ; а послѣ и всѣмъ моимъ поварищамъ выдано было, чего они требовали.

Я прежде упоминалъ, что Японцы согласились матрозовъ держашъ съ нами по очереди, почему 31 Августа еще, Васильева перевели къ Г. Мурч, а Шкаева посадили одного; 23 же Сентября Махарова, содержащагося со мною, смѣнили Шкаевымъ. Отъ него узналъ я двѣ новости: первая, что Японцы ошибкою дали Сиданову большой складной ножъ, и вошъ какимъ образомъ: онъ имѣлъ у себя въ карманѣ въ фуфайкѣ матрозовской ножикъ, привязанной къ петлѣ фуфайки на ремнѣ, что матрозы обыкновенно дѣлаютъ, дабы не потерять

ножа когда лаять на мачты; фуфайка его лежала въ шляпкѣ, когда насъ захватили и нынѣ при раздѣлѣ платья ошдана ему безъ осмотра, хотя ремень былъ весь на виду. Намъ крайне удивительно показалось, какимъ образомъ любопытные и оспорожные *Японцы* пропустили это безъ замѣчанія и не сняли ремня; а особливо когда мы видѣли, что они оспорожность свою въ разужденіи насъ столь далеко простирали, что не давали намъ ножницъ для обрѣзыванія ногтей; и мы должны были просовывать руки сквозь рѣшешку, гдѣ караульные обрѣзывали намъ ногти; даже иглодокъ не вѣряли намъ, но работникамъ приказывали починивать наше платье. Ножу сему я чрезвычайно обрадовался, въ надеждѣ, что со временемъ онъ можетъ быть намъ полезенъ, и при первомъ случаѣ далъ *Силанову* знать, чтобы онъ берегъ его какъ глазъ, а если *Японцы* спросятъ, зачѣмъ ремень былъ у фуфайки, то сказалъ бы, что шляпа привязывается къ нему, дабы въпромъ не унесло ее. Другая же *Шкаева* новость состояла въ томъ, что караульные разговаривали что-то о нашемъ отправленіи въ *Матсмай*, и что прежнія наши носилки принесены уже на дворъ. Въспъ сію на другой же день поутру подтвердили сами *Японскіе Чиновники*, объявивъ намъ формально, чтобы мы гоповились въ дорогу. Вечеромъ дали каждому изъ насъ по одному бумажному лакированному плащу, по соломенной шляпѣ съ круглыми полями, по одной парѣ *Япон-*

скихъ чулокъ (1) и по парѣ соломенныхъ лапотковъ, какіе Японцы въ дорогѣ носятъ.

26 Сентября вечеромъ насъ извѣстили, что въ слѣдующее утро, если дождя не будетъ, мы должны отпра-
виться въ пушъ; и съ разсвѣтомъ 27 числа начали сби-
раться. Поутру приходили къ намъ разные город-
скіе Чиновники прощаться, всѣ дѣлали это церемо-
ниально: подойдя къ каморкѣ каждаго изъ насъ, прика-
зывали переводчику, сказавъ намъ учтивымъ образомъ,
что такіе-то Чиновники пришли нарочно съ нами про-
ситься, что они желаютъ намъ здоровья, благополуч-
наго пуши и щастливаго окончанія нашему дѣлу. Меж-
ду тѣмъ намъ по поясу повязывали веревки и выводили
на дворъ, гдѣ ставили рядомъ, опредѣляя къ каждому изъ
насъ по солдашу для караула и по работнику держать
веревку. Сіи приугошвленія худо соотвѣтствовали у-
чливости, съ какою Японцы съ нами прощались; въ
другомъ случаѣ можно было бы принять прощаніе ихъ
за насмѣшку, но нельзя было думать, чтобы всѣ Чи-
новники города согласились шутить надъ нами; и дѣй-
ствительно всѣ они къ намъ приходили, кромѣ самаго
Градоначальника; припомъ мы уже начали привыкать
къ спраннымъ сего народа. Около половины дня мы
ошпирились въ пушъ. Вели насъ точно такимъ же по-
рядкомъ, какъ и прежде, съ шюю только разностию,
что сверхъ носилокъ были еще при насъ верховыя ло-

(1) Описаніе Японскихъ чулокъ, приложено ниже, гдѣ описы-
ваются всѣ роды шамошней одежды и обуви.

шади, на которыхъ вѣсто сѣделъ были положены наши одѣяла и спальные халапы. Отъ шюрмы сажень на сто по улицѣ стоялъ въ строю военный отрядъ пѣхоты, мимо котораго мы проходили. День былъ очень теплой и ясной, почему зрителей собралось великое множество; изъ нихъ многіе провожали насъ версты при. Конвой нашъ состоялъ изъ одного Чиновника, начальствовавшего онымъ, 12 или 16 человекъ солдатъ, двухъ непремѣнныхъ работниковъ и великаго числа переменныхъ на спанціяхъ людей, которые несли наши носилки, вели лошадей и проч. а сверхъ того были при насъ переводчикъ *Кумаджеро* и лекаръ *Того*.

Пробывъ пятьдесятъ дней въ заключеніи, мы лучше согласились идти пѣшкомъ, нежели ѣхать, а сядили на лошадей тогда только, когда уставали. При семъ случаѣ *Японцы*, свернувъ веревку, закладывали ее къ намъ за поясъ и оставляли насъ; но это дѣлали они только въ подѣ, а проѣзжая селеніями, всегда держали за конецъ оной, такъ точно, какъ и въ то время, когда мы шли пѣшкомъ. Отъ самаго *Хакодаде* мы шли подлѣ берега около всей гавани, а поровнявшись съ мысомъ полуострова, на коемъ стоишь городъ, поднялись на гору, гдѣ была башаря, которая, по видимому, поставлена съ намѣреніемъ защищать входъ въ заливъ, хотя и нимало не соотвѣтствовала сей цѣли, какъ по чрезвычайной вышинѣ горы, гдѣ она стоишь, такъ и по большой ширинѣ пролива, составляющаго входъ. *Японцы* провели насъ чрезъ сію башарю. (1) и тѣмъ

(1) Башаря сія состояла изъ невысокаго землянаго брусшвера, за которымъ стояли въ барбетъ 3 или 4 неболь-

не мало причинили намъ безпокойства и горести. Вотъ, говорили мы другъ другу, они и укрѣленій своихъ опъ насъ не скрываютъ: чтожь это иначе значить какъ не то, что они никогда не намѣрены насъ выпустить, слѣдовательно увѣрены, что мы во всю жизнь нашу не будемъ въ состояніи употребить ко вреду *Японцевъ* свѣдѣній нашихъ о ихъ укрѣпленіяхъ. Вспоминая припомъ о всѣхъ обстоятельствевахъ, открывшихся въ *Хакодаде*, мы не находили другаго средства къ своему спасенію кромѣ побѣга, и начали помышлять, какъ бы произвести въ дѣйствіе наше намѣреніе, но скоро увидѣли невозможность такого предпріятія, ибо ночью сдѣлать сего было нельзя, потому, что хотя *Японцы* позволяли намъ на ночь совсѣмъ снимать съ себя веревки, но почти цѣлая половина изъ нихъ по ночамъ не спала, и вѣскольکو человекъ находились безпрестанно въ нашей комнаѣ, а днемъ должно было силою отбивавшся, чего также нельзя было исполнить по причинѣ множества людей, всегда насъ окружавшихъ, и по не имѣнію у насъ, кромѣ одного складнаго ножа, какого либо оружія.

шія мѣдныя пушки на двухъ колесныхъ станкахъ, копорые однакожь сдѣланы совсѣмъ не такъ, какъ наши лафеты; а внизу, на небольшой площадкѣ, лежала на перекладинахъ 18 или 24 фунтовая чугунная пушка; по видимому была она *Европейскаго* литья. Надобно думать, что ея такъ и дѣйствуютъ *Японцы* съ перекладинахъ; ибо орудіе такой тяжести при первомъ выстрѣлѣ изломаетъ станокъ, сдѣланный по ихъ образцу.

Дорожное наше содержаніе нынѣ было такое же, какъ и на пущи къ *Хакодаде*, и кормили насъ также по три раза въ день. Въ сей часпи острова селенія чаще и многлюднѣе; всѣ здѣшніе жители безпрестанно занимаются рыбною ловлею и сбираніемъ морской капусты; а сверхъ того имѣють еще пространные огороды, особливо сѣють великое количество рѣдьки (1): цѣлыя поля засѣяны ею.

Съ 29 на 30 Сентября мы имѣли послѣдній нашъ ночлегъ въ селеніи на половину дня ходу отъ *Матсмай*. Сей ночлегъ примѣчашеленъ для насъ по слѣдующимъ обстоятельствамъ: переводчикъ *Кумаджеро* совѣщивалъ намъ въ *Матсмай* отвѣчать на вопросы, которые шамъ будуще намъ предлагаемы, совершенно сходно съ прежними нашими отвѣтами; говоря, что, если хотя въ мадосши мы будемъ показывать разное, то по *Японскимъ* законамъ насъ должно обвинить; во вторыхъ, роздалъ онъ каждому изъ насъ по нѣсколькую очень хорошаго табаку и бумаги (2) и сказалъ намъ,

-
- (1) *Японцы* рѣдку варящъ въ похлѣбкѣ, какъ богатые, такъ и бѣдные люди; словомъ сказать рѣдка у *Японцевъ* почти въ шакомъ же употребленіи, какъ у насъ капуста; а сверхъ того они солящъ ее и подаютъ къ кушаньямъ вмѣстѣ соли, кусочка по два, которые съ рыбою или со всѣмъ шѣмъ, что хотятъ посолить, прикусываютъ по немногу.
- (2) У *Японцевъ* нѣтъ въ употребленіи носовыхъ платковъ; они сморкають и плюють въ пищуую бумагу, которую для сего всегда носятъ съ собою въ книжкѣ или за рукавами; богатые люди употребляютъ лучшій сортъ

что дѣлаешь сіе для того, дабы Начальники въ *Матсмаб*, примѣшивъ, что у насъ нѣтъ сихъ вещей, не отнесли этого къ упущенію сопровождавшихъ насъ, и что въ шакомъ случаѣ, имъ сдѣланъ будешь выговоръ; а наконецъ совѣтовалъ намъ не вѣрись лекарю, увѣрявшему насъ, что въ *Матсмаб* мы будемъ жить въ хорошемъ домѣ и всѣ вмѣстѣ. Слова сіи почти тоже значили, какъ если бы онъ прямо сказалъ, что для насъ тамъ шюрма приготовлена, но что значило вниманіе его къ намъ въ разсужденіи шабаку и бумаги, мы понявъ не могли.

Сентября 30 вскорѣ послѣ полудня, остановились мы въ одномъ селеніи верстахъ въ 3 отъ *Матсмаб*, гдѣ встрѣтили насъ нѣсколько солдатъ и множество народа. Мы пробыли тушъ съ полчаса, въ которое время конвойные наши надѣли на себя хорошее свое плащье и попомъ повели насъ въ городъ, точно съ шакою же церемонією, какъ вводили въ *Хакодаде*; только что зрителей, по причинѣ многолюдства города, было несравненно болѣе. Городомъ мы шли вдоль морскаго берега версты 4 или 5; попомъ вышли на большую площадь, окруженную множествомъ народа, споявшаго за веревками, нарочно вокругъ площади протянушими; съ площади поднялись на довольно высокую гору, къ самому валу замка, а

бумаги, а бѣдные похуже: намъ въ *Хакодаде* давали очень дурную бумагу, а въ семъ случаѣ дали изъ лучшаго сорша.

пройдя вдоль онаго на небольшое разстояніе, поворожили во дворъ, обнесенный совершенно новою высокою стѣною. Тутъ встрѣшилъ насъ ошрядъ солдатъ въ военной одеждѣ. Съ сего двора маленькими дверьми вошли мы за другую стѣну выше первой; а шутъ вдругъ увидѣли передъ глазами почти темной сарай, въ которой насъ тотчасъ ввели и помѣстили: насъ проихъ офицеровъ въ одну каморку подобную клѣшкѣ, а машерозовъ и *Алексѣя* въ другую.

День былъ прекрасный, свѣтлый, а у насъ темноша уже наступала, ибо лучи солнечные къ намъ не проициали. Обозрѣвая наше жилище, мы думали, что сего дня въ послѣдній разъ въ жизни наслаждались зрѣніемъ солнца. Тюрьма наша, окружавшіе дворъ заборы, караульные дома, словомъ сказашъ все было совершенно новое, лишь только окончанное, такъ, что еще не успѣли очистишъ щепокъ. Зданіе же это (1)

- (1) Вотъ для любопытныхъ описаніе нашей тюрьмы: надобно вообразишъ чешверо - угольный деревянный сарай, длиною шаговъ въ 25, шириною въ 15, а въ вышину сажени въ двѣ; съ трехъ сторонъ у сего сарая глухія стѣны, въ которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго отверстія, а съ полуденной вмѣсто стѣны, рѣшетка изъ толстыхъ брусевъ дюйма четыре въ квадратѣ, и въ шакомъ же разстояніи брусъ ошъ бруса; въ сей рѣшеткѣ сдѣланы дверь и еще маленькая калишка; та и другая всегда назамкѣ. Посрединѣ сара я стояли двѣ клѣшки изъ шакихъ же брусевъ сдѣланныя; онѣ ошдѣлялись ошъ стѣны и одна ошъ другой коридорами; одна изъ клѣшоекъ была

было большое, сдѣланное изъ прекраснаго лѣса, и конечно недешево стоило *Японскому* Правительству; слѣдовательно, разсуждали мы, *Японцы* не спали бы употреблять времени, трудовъ и издержекъ напрасно, если бы они намѣрены были скоро насъ освободить;

въ длину и въ ширину по 6 шаговъ, вышиною же футъ 10, а другая при той же ширинѣ и вышинѣ имѣла 8 шаговъ длины. Первая изъ нихъ назначена была для насъ проихъ, а послѣдняя для матрозовъ и *Алексѣя*. Входъ въ нихъ сдѣланъ столь низко, что мы принуждены были вползати; дверцы состояли изъ толстыхъ брусевъ и запирались толстымъ желѣзнымъ запоромъ; надъ дверцами находилась небольшая дыра, сквозь которую намъ подавали пищу; при заднихъ стѣнахъ клѣтокъ были небольшіе чуланчики, также изъ толстыхъ брусевъ, съ небольшими отверстіями на полу съ ящички для естественныхъ нуждъ; смежныя же стѣны клѣтокъ были обиты досками, дабы мы матрозовъ, а они насъ видѣть не могли; для той же причины и между чуланчиками споялы щиты. Подлѣ же рѣшетки сарая съ наружной стороны была придѣлана караульня, въ которой безпрестанно сидѣли по два солдата Императорскихъ войскъ; они могли сквозь рѣшетки все видѣть, что мы дѣлали и глазъ съ насъ не спускали. Весь сарай, въ разстояніи отъ оного шаговъ на 6 или 8, окруженъ былъ высокою стѣною съ деревянными шпиками; для выходу изъ сего двора служили небольшіе ворота прямо противъ дверей сарая; вокругъ же первой стѣны находилась другая поменѣе; оная окружала пространный дворъ, въ которомъ подлѣ воротъ большой стѣны на одной сторонѣ былъ караульный домъ, а на другой кухня и комната для работниковъ. Наружный карауль содержали солдаты Князя *Тиренгарскаго*; они къ намъ доспуга не имѣли и даже внутрь первой стѣны не

для помѣщенія нашего на годъ или и на два, могли бы они сыскать мѣсто; но расположеніе и прочностъ жилища нашего показываеиъ уже; что намъ опредѣлено до самой смерти не выходить изъ него. Мысли сіи безпрестанно шерзали духъ нашъ; мы долго пребывали въ глубокомъ молчаніи, поглядывая другъ на друга и воображая себя обитателями того свѣта. Наконецъ рабочникъ принесъ намъ ужинъ, состоявшій изъ сорочинской каши, небольшого кусочка рыбы и горсти бобовъ съ папокою. Подавая сію пищу сквозъ рѣшетку,

смѣли входивъ, а только ходили кругомъ для осмотра каждые полчаса; ночью же носили они съ собою огонь и били часы двумя дощечками; а Императорскіе солдаты, каждые полчаса входили къ намъ въ сарай, и обходя коридорами кругомъ нашихъ кѣлоковъ, осматривали насъ сквозъ рѣшетки. Все сіе зданіе было поставлено между ерушымъ и глубокимъ оврагомъ, въ которомъ текла рѣчка, и валомъ замка, отъ коего отдѣлялось оно не очень широкою дорогою. Ночью шюрма наша казалась еще ужаснѣе, ибо огня у насъ не было, а горѣлъ только ночникъ изъ рыбьяго жиру въ караульнѣ и по въ бумажномъ фонарѣ, отъ коего чрезвычайно слабой свѣтъ едва могъ освѣщать сквозъ рѣшетку нѣкоторые мѣста огромнаго сего сарая; прочія же части его находились въ непроницаемой щемнотѣ. Спукъ, происходившій среди глубокой ночной щемноты отъ замковъ и запоровъ, каждые полчаса, когда караульные опирали и запирали двери въ шюрму при входѣ и выходѣ ихъ для осмотра насъ, увеличивалъ еще ужасъ, и не позволялъ намъ ни на минушу заснуть, ибо и безъ того уже мы не могли наслаждаться покойнымъ сномъ, кошорой безпрестанно былъ прерываемъ душевными мученіями и востреженнымъ изображеніемъ.

онъ не примѣшилъ меня лежавшаго въ углу, и сказалъ: гдѣ третья теловѣка? Г. Мурѣ потчасъ спросилъ его, гдѣ онъ научился говоришь по *Руски*. Въ *Камгаткѣ*, отвѣчалъ рабочникъ. На это Г. Мурѣ сказалъ ему, что онъ и самъ былъ въ *Камгаткѣ*, а *Японцѣ*, понявъ Г. Мура, что онъ видѣлъ его въ *Камгаткѣ*, очень тому обрадовался и потчасъ сообщилъ переводчику сію новость; мы же сказывали еще прежде имъ нѣсколько разъ, что при насъ въ *Камгаткѣ* не было *Японцевъ*, кромѣ семерыхъ, спасенныхъ прошлою весною съ разбишаго ихъ судна, копорыхъ находились въ *Нижне-Камгаткѣ*, и копорыхъ мы не видали; почему, когда мы стали переводчику объясняясь ошибку рабочника, онъ сказалъ намъ въ отвѣтъ: *лукавой, лукавой!* и ушелъ; а мы остались съ новымъ горемъ, возродивъ въ *Японцѣ* подозрѣніе, что были въ *Камгаткѣ*, когда ихъ люди тамъ находились, но не хотимъ того имъ открытъ. Намъ желательно только было знать, изъ тѣхъ ли *Японцевъ* былъ этошъ человекъ, копорыхъ *Хвостовъ* увозилъ, или изъ тѣхъ, копорые претерпѣли въ *Камгаткѣ* кораблекрушеніе, и послѣ ушли.

Октябрю 1 дали намъ знать, что на другой день поведутъ насъ къ *Вунію* (ш. е. къ Губернатору), что и случилось поутру 2 Октября. Вели насъ точно такимъ же порядкомъ, какъ въ *Хакодаде*, съ тою токмо разностію, что здѣсь не рабочники, но солдаты Императорской службы держали концы нашихъ веревокъ. Дорога къ полуденнымъ воротамъ замка или крѣпости, въ копорые насъ вводили, лежала между самымъ валомъ

и оврагомъ, на краю коего стоялъ замокъ, разстояніемъ ошъ шюръмы нашей до ворошъ на четверть версны, и была нѣсколько грязна, почему *Японцы* во всю длину успяли ея досками и вели насъ по нимъ, а ошъ дожда держали надъ нами зонтики. Въ крѣпости привели насъ на большой дворъ, усыпанной мѣлкими каменьями и посадили въ длинную бесѣдку на лавку, всѣхъ рядомъ. Тутъ мы дожидались около часа. Напослѣдокъ отворились ворота на другой дворъ, куда насъ и повели. Подойдя къ ворошамъ на третій дворъ, конвойные наши солдаты сняли съ себя сабли, кинжалы и башмаки (1) и оставили у ворошъ, а намъ велѣли снять сапоги. Тогда отворили ворота, повели насъ по весьма чистымъ соломеннымъ машиамъ къ огромному деревянному зданію и поставили передъ большею залою, у которой на дворъ всѣ ширмы, составляющіе по образу *Японскаго* строенія стѣны, были раздвинуты. Намъ троихъ поставили впереди на возвышенномъ мѣстѣ рядомъ, машрозы рядомъ же стояли за нами ступенькою пониже, а на лѣвой сторонѣ у нихъ посадили *Алексѣя*. Работникъ нашъ, знавшій нѣсколько *Рускиѣ* словъ (2), сѣлъ у насъ на правой сторонѣ; это было мѣсто пе-

-
- (1) Или лучше сказать соломенные подошвы; ибо *Японцы* не носятъ ни сапоговъ, ни башмаковъ; а плещутъ изъ соломы или изъ травы подошвы, которыя будутъ описаны подробно въ своемъ мѣстѣ.
- (2) При насъ были опредѣлены два работника, по мнѣнію *Японцевъ*, разумѣвшіе *русскій* языкъ; эпошъ назывался *Гейсте*, а другой *Фокъ - Массе*.

реводчика, а переводчикъ *Куладжеро* сидѣлъ на лѣвой сторонѣ. Работникъ сей и прежде подказалъ намъ, что онъ будетъ переводить при разговорѣ между *Бунъ-іосолибъ* и нами, но мы сомнѣвались и не вѣрили, чтобъ онъ ничего не разумѣя, осмѣлился взять на себя сію должность, а теперь, къ крайнему нашему удивленію, увидѣли, что онъ взялся не за свое дѣло. Залъ былъ огромной величины, стѣны въ ономъ состояли изъ ширмъ, шѣ, которыя стояли къ наружной галлерей, были бумажныя, а другія деревянныя раззолочены и расписаны *Японскою* живописью; на нихъ были изображены ландшафты, разные звѣри и птицы; но главное украшеніе зала сего заключалось въ чрезвычайной рѣзбѣ и красотѣ дерева разныхъ родовъ, изъ коего были сдѣланы двери, рамы и прочее; полъ же весь устланъ былъ прекрасно ошрабощанными матами. По обѣимъ сторонамъ зала въ длину онаго сидѣли, по *Японскому* обычаю на колѣнахъ Чиновники, по пяти человекъ на каждой сторонѣ. У всѣхъ были за поясомъ кинжалы, а большія сабли лежали подлѣ лѣваго боку только у шроихъ, которые сидѣли выше; одѣты же они всѣ были въ обыкновенныхъ своихъ халапахъ. Подождавъ съ четверть часа, въ которое время *Японцы* между собою разговаривали, шутили и смѣялись, вдругъ изъ за ширмъ услышали мы шорохъ идущихъ людей. Тогда одинъ изъ чиновниковъ потчасъ сказалъ: *ии..* и въ ту же секунду послѣдовало глубокое молчаніе. Сначала вошелъ *Японецъ* просто одѣтой, которой у самаго входа, пристѣвъ на колѣна, положилъ руки ладонями на полъ и наклонилъ

голову; за нимъ вошелъ *Бунносъ* въ простомъ черномъ халатѣ, у котораго на рукахъ, такъ какъ и у всѣхъ *Японцевъ*, вышитъ его гербъ; за поясомъ имѣлъ онъ кинжалъ, а саблю несъ за нимъ одинъ изъ пяти человекъ (считая и того, которой шелъ впереди) его свиты, держа оную за конецъ ефесомъ вверху и въ плащѣ, такъ, что голыми руками до нее не касался. *Бунносъ* по входѣ потчасъ сѣлъ на полъ, также какъ и другіе сидѣли, лицомъ прямо къ намъ, а въ разсужденіи своихъ Чиновниковъ въ такомъ положеніи, какъ у насъ Президентъ сидитъ въ разсужденіи членовъ. Всѣ Чиновники свиты его сѣли рядомъ за нимъ, шагахъ въ шрехъ отъ него; пошлъ, который несъ саблю, положилъ оную подлѣ *Бунноса* на лѣвой сторонѣ. Лишь только онъ усѣлся, то всѣ *Японцы* вдругъ изъѣвили ему свое почтеніе, положи руки ладоньми на полъ, наклонились такъ, что лбомъ почти касались полу, и пребыли въ такомъ положеніи нѣсколько секундъ, а онъ имъ ошвѣчалъ довольно низкимъ поклономъ, при которомъ положилъ руки ладоньми на свои колѣна. Мы сдѣлали ему нашъ *Европейской* поклонъ, и онъ въ отвѣтъ кивнулъ намъ головою, безиреспанно улыбаясь и стараясь показать хорошее свое къ намъ расположеніе. Потомъ, вынувъ у себя изъ за пазухи листъ бумаги, и смотря въ оной, называлъ каждаго изъ насъ чиномъ и именемъ; на что мы ошвѣчали ему поклономъ, причемъ и онъ кланялся. Такимъ образомъ перекликавъ насъ, спалъ онъ говорить работнику *Гейнсту*, который слушалъ его, положи руки на полъ и лбомъ коснувшись полу, а

по окончаніи его рѣчи, *Гейнсте* всталъ на ноги и началъ говорить мнѣ, такъ, что мы ничего не могли понять, что онъ хотѣлъ сказать; слова его были: *ты теловѣкъ, я теловѣкъ, другой теловѣкъ, говори какой теловѣкъ*. Мы стали ему объяснять и уговаривать, чтобы онъ не обманывалъ своихъ Начальниковъ и признался имъ, что не можешь переводить, а иначе, если онъ не откажется, то ему со временемъ дурно будетъ; онъ слушалъ насъ съ большимъ вниманіемъ, и какъ мы кончили, тогда онъ спалъ переводить *Буньюсу*, принявъ прежнее покорное положеніе; а что онъ говорилъ, то *Японцы* записывали (1), и потомъ опять чрезъ него же другой вопросъ намъ послѣдовалъ. Тогда уже дерзость и безстыдство сего наглаго бездѣльника вывели насъ изъ терпѣнія; мы видѣли, что онъ ихъ обманываетъ и сказали прямо, что не хотимъ отвѣчать, дабы обманщикъ сей не погубилъ насъ, выдумывая отъ себя отвѣсы, на тѣ вопросы, которые намъ дѣлаютъ; но *Гейнсте*, не понимая, что мы говорили, ни мало не приходилъ въ замѣшательство, отвѣчалъ за насъ, а *Японцы* отвѣсы его записывали и снова насъ спрашивали; мы обращались къ *Алексѣю* и *Кумаджеро*, и требовали, чтобы они объяснили *Буньюсу* наши мысли, но они не смѣли говорить; наконецъ мы рѣшились замол-

(1) Здѣсь не было Секретарей, такъ какъ въ *Хакодаде*, но отвѣсы наши записывали двое изъ Членовъ: одинъ изъ нихъ сидѣлъ на правой сторонѣ, а другой на лѣвой.

часть и ни слова не говорить; а между тѣмъ *Бунносѣ*, говоря *Гейнсту*, употребилъ слово *отецѣ*, которое мы знали; видно онъ хотѣлъ вѣсть ему спросить насъ, какъ звали нашихъ отцевъ; *Гейнсте* вынулъ изъ за пазухи шестрадь собранныхъ имъ *Русскихъ* словъ, началъ въ ней рыться и признался, что онъ этого слова не знаетъ и приискать не можетъ; тогда *Бунносѣ* и всѣ Чиновники, увидѣвъ, что онъ не знаетъ такого обыкновеннаго слова, спали громко смѣяшся, и прогнавъ его съ сего мѣста, вѣдѣли ояны *Куладжеру* и *Алексѣю* переводить, а ему приказали сѣсть на другой сторонѣ и слушать, что мы будемъ говорить.

Вопросы ихъ начались тѣмъ же, чѣмъ и въ *Хакодаде*: спрашивали наши имена, отчество, фамиліи, чины, живы ли у насъ отцы и матери, какъ ихъ звали, есть ли братья, сестры, жены, дѣти и прочее. Только здѣсь разспрашивали насъ съ большею подробностію, напримѣръ: когда мы говорили, что у насъ есть братья, то спрашивали, какъ ихъ зовутъ, сколько имъ лѣтъ, въ какомъ они званіи и такъ далѣе, и всѣ наши отвѣты записывали. Вопросы же предлагалъ всегда самъ *Бунносѣ*, а прочіе Чиновники въ присутствіи его ничего у насъ не спрашивали. Потомъ сдѣлалъ онъ нѣсколько вопросовъ, касательно возвращенія *Резанова* изъ *Японіи* и о причинахъ нашего къ нимъ прихода, о чемъ насъ прежде еще въ *Хакодаде* спрашивали; между тѣмъ *Бунносѣ* не упустилъ также спросить насъ между дѣломъ и о разныхъ постороннихъ вещахъ. Всѣхъ такого рода вопросовъ его не было средствъ удержавъ

въ памяти, однакожь нѣкоторыя я могъ припомнить. Онъ насъ спрашивалъ, какимъ образомъ *Рускіе* хороняшъ умершихъ, и какіе знаки спавашъ надъ могилами; естъ ли разность въ погребеніи между богатыми и бѣдными людьми. Когда мы упомянули, что пѣла богатыхъ людей сопровождаютъ много Священниковъ, тогда *Буиѳосъ* сказалъ намъ, что и у *Японцевъ* тоже самое бываешъ. Наконецъ, послѣ множества разныхъ вопросовъ, спросилъ онъ, не имѣемъ ли мы какой нибудь къ нему прозбы, и если хотимъ о чемъ-либо его просить, то чтобъ шеперь ему объявили. Мы не понимаемъ, отвѣчали мы, что значить эшотъ вопросъ, и что Г. Губернаторъ разумѣшъ подъ нимъ, ибо онъ и самъ безъ нашей прозбы можешъ видѣшъ, въ чемъ должна она состояшъ, когда мы обманомъ взяты и шеперь содержимся въ самомъ жестокомъ заключеніи. На эшо онъ отвѣчалъ, чтобъ мы подали къ нему прозбу, гдѣ желаемъ жить: въ *Матсубѣ*, въ столичномъ ихъ городѣ *Эддо*, или въ другой какой-либо части *Японіи*, или хотимъ возвратиться въ *Россію*. У насъ два только желанія, отвѣчали мы: первое состояшъ въ томъ, чтобъ возвратиться въ свое отечество, а если эшого невозможно, то желаемъ умерѣшъ, болѣе же мы ни о чемъ не хотимъ просить *Японцевъ*. Тогда онъ говорилъ съ великимъ чувствомъ очень длинную рѣчь, которую всѣ присутствовавшіе слушали съ знаками глубочайшаго вниманія, и на лицахъ ихъ, казалось, было изображено сожалѣніе; видно было, что они рѣчью сею весьма тронулись. Но когда нашъ *Алексѣй*, принявъ ее отъ пере-

водчика на *Курильскоиѣ* языкѣ (конечно уже не въ томъ видѣ), началъ намъ переводить, что признался, что ему говорено такъ много и такъ хорошо, что онъ и половины не умѣетъ такимъ образомъ пересказать, но постарается изъяснить намъ только главное содержаніе рѣчи, къ чему все наше дѣло клонится и чему мы конечно порадуемся. „Генераль (1) говоритъ, продолжалъ *Алексѣй*, что *Японцы* такіе же люди, какъ и другіе, и что у нихъ также есть сердце, какъ и у другихъ, а потому мы не должны ихъ бояться и шугить; они дѣло наше разсмотрѣютъ и если увидятъ, что мы ихъ не обманываемъ и о своихъ поступкахъ *Хвостова* говоримъ правду, то *Японцы* насъ отпустятъ въ *Россію*, — надѣлятъ пишеномъ, *сагою* и другими съѣсными припасами, а также одарятъ разными вещами; но между тѣмъ будутъ они стараться, чтобы мы ни въ чемъ не имѣли нужды и были здоровы; почему и проситъ насъ, чтобы мы не печалились много и берегли себя; а если въ чемъ имѣемъ нужду, какъ то въ плащѣ или въ какой особенной пищѣ, то чтобы не стыдѣсь просили.“ Мы поблагодарили *Буніоса* за его утѣшеніе и обѣщаніе оказать намъ справедливость; тогда онъ ушелъ (2), а по выходѣ его

(1) Такъ нашъ *Алексѣй* величалъ *Буніоса*, ибо въ томъ краѣ симъ названіемъ именуютъ *Калитатскаго* областнаго Начальника: должность сію съ 1799 года по 1812 годъ отправляли Генераль-Маіоры.

(2) Передъ отходомъ своимъ онъ поклонился Чиновникамъ, и они ему точно такимъ же образомъ, какъ и прежде;

изъ зала, и намъ вѣлно было возвратиться въ нашу шемницу, куда отвели насъ прежнимъ порядкомъ. Не взирая на необыкновенное и несчастное спеченіе разныхъ происшествій и обстоятельствъ, вложившихся къ возбужденію въ *Японцахъ* противъ насъ подозрѣнія и ненависти, рѣчь Губернатора очень много насъ успокоила. Мы думали, что людямъ, если дьяволъ въ нихъ не вселился, невозможно такъ искусно пришворяться и принявъ на себя непомято въ словахъ, но даже въ чертахъ лица, въ глазахъ и въ голосѣ личину искренности и состраданія, какую *Японцы* принимали, когда утѣшали и обнадеживали насъ; но съ другой стороны, бывъ взяты въ плѣнъ коварствомъ и обманомъ, мы уже имѣли передъ глазами ужасный опышъ, надъ самими нами совершившійся, который подтверждалъ то, что прежде удавалось намъ чинать или слышать о восточныхъ народахъ, а особливо о *Японцахъ*. Отъ сего иногда мучило насъ сомнѣніе, что *Японцы*, народъ ипонкій и хитрый, конечно должны знать пользу, могущую для нихъ произойти отъ нашего между ими пребыванія, если имъ удастся исподоволь пріучить насъ сносить горькую нашу участь, и, привыкнувъ къ ней, водвориться въ *Японию*; а пошому, думали мы, не утѣшаясь ли они насъ съ намѣреніемъ, чтобы мы въ отчаяніи не покусились на жизнь свою, и тѣмъ не лишили ихъ вдругъ способа, употребить въ свою пользу

и коль скоро онъ началъ вставать, то оруженосецъ его свисты, взявъ саблю его по прежнему въ плашкѣ за конышъ и поднявъ оную ефесомъ вверхъ, понесъ за нимъ.

наши свѣденія и познанія въ дѣлахъ и наукахъ *Европейскиѣ*; и въ надеждѣ, что время и привычка можешь примирить насъ съ нашимъ состояніемъ, они насъ утѣшаютъ пустыми обнадеживаніями.

На другой день (3 Октября) опять повели насъ въ замокъ и представили *Бунносцу*, наблюдая во всемъ прежній порядокъ. О дѣлѣ спрашивалъ онъ насъ очень мало, но болѣе любопытствовалъ знать о разныхъ обычаяхъ и образѣ жизни *Европейцевъ*; между прочимъ спросилъ, бывають ли въ *Россіи* такіе сильные громы, какой былъ въ прошедшую ночь? Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *Россіи* еще сильнѣе бывають, сказали мы. „Но это еще не самой большой громъ, продолжалъ онъ, какой у насъ здѣсь бываетъ; а на *Нифонѣ* случается онъ несравненно жесточе и чаще.“ Вопросамъ своимъ вообще спарался онъ дать видъ дружескаго разговора. Продержавъ часа два, отпустилъ онъ насъ отдохнувши; мы пришли на большой дворъ и сѣли въ бесѣдкѣ, гдѣ *Японцы*, по повелѣнію Губернатора, подчивали насъ чаемъ съ сахаромъ; но табаку курить не давали, ибо у нихъ непозволено курить на дворѣ въ замкѣ, гдѣ имѣетъ свое пребываніе Губернаторъ; а потому и конвойные наши уходили для сего по очереди на кухню или въ караульные дома. Между тѣмъ пришелъ къ намъ переводчикъ *Кумаджеро* съ однимъ Чинovníкомъ и съ поршнымъ и объявилъ, что Губернатору угодно приказать сшить намъ платье, по тому образцу, какъ мы сами хотимъ, *Японское* или *Русское*; и если мы пожелаемъ имѣть оное *Рускиѣ*

покроемъ, шо чтобы сказали имъ, на какой манеръ изъ находящагося съ нами плащя, мы хотимъ имѣть оное. На отвѣтъ нашъ, что у насъ плащя довольно и мы въ немъ нужды не имѣемъ, *Японцы* говорили, что до этого дѣла имъ нѣтъ, много или мало у насъ плащя; но Губернашоръ хочешь сдѣлать намъ подарокъ, слѣдовательно и не должно опъ него отказываться. И пакъ надлежало согласишься. Мы сказали, чтобы они намъ сшили шеплое платье по образцу фризоваго капоша, присланнаго со шляпа Г. Хлббникову; почему они пошусь повели поршняго въ кладовую, пушъ же въ крѣпости, гдѣ хранилось наше платье и показали ему капошъ, а пошомъ пришелъ онъ снявъ съ насъ мѣру. Они не употребляютъ мѣрокъ, а мѣряютъ человека кругомъ фушомъ, раздѣленнымъ на 10 часпей и записываютъ на бумагу; такимъ образомъ поршней и насъ всѣхъ вымѣрялъ (1). Послѣ сего приводили насъ опяль въ присутствіе *Бунносэ*, гдѣ онъ спрашивалъ еще нѣсколько часовъ и оппустилъ, сдѣлавъ опяль увѣ-

-
- (1) Черезъ нѣсколько дней мы получили обѣщанныя плащя; для насъ троихъ сшито оно было изъ толстой бумажной матеріи, похожей нѣсколько на байку, вишневаго цвѣща, которая по *Японски* называется *Моина*, на ватъ и бумажной подкладкѣ; а для матрозовъ изъ простой бумажной матеріи, на бумажной же подкладкѣ, также на ватъ и одного покроя съ нашимъ. Сіе платье было такъ странно сшито, что не походило ни на шенель, ни на капошъ, ни на тулупъ, ни на сюршукъ; а кажется всего тушъ было по частицѣ. *Алексѣю* же дали халатъ на *Японской* покрой.

щаніе, чтобъ мы не предавались отчаянію, но молились Богу и ожидали терпѣливо конца нашего дѣла; а при томъ были увѣрены, что онъ употребитъ всѣ средства исходайствовать у своего Государя позволеніе возвратиться намъ въ свое Отечество; и что на сей конецъ, онъ велитъ дать намъ бумаги и чернилъ съ тѣмъ, чтобъ мы все свое дѣло написали по *Руски*, а потомъ переводчикъ вмѣстѣ съ нами напишемъ оное по *Японски*; тогда Губернаторъ, разсмотрѣвъ, препроводитъ его къ своему Правительству, и будетъ имѣть попеченіе, чтобъ оно кончилось въ нашу пользу; описаніе же нашего дѣла чтобъ мы предсхавили при прошеніи къ нему. Поблагодаривъ его за такое къ намъ доброжелательство, мы возвратились опять въ мрачное свое жилище, пребывая по прежнему въ большомъ сомнѣніи, искренно ли *Японцы* насъ обнадѣживаютъ.

Послѣ сего свиданія не представляли насъ *Бунъ-йосу* до 6 числа; между тѣмъ содержали споломъ или по проспекту сказать кормили въ *Матсимаѣ* гораздо лучше нежели въ *Хакодадѣ*. По обыкновенію *Японцевъ* сорочинская каша и соленая рѣдка служили намъ вмѣсто хлѣба и соли; сверхъ того давали намъ очень хорошую жареную или вареную рыбу; свѣжую, а иногда соленую, супъ изъ разной лѣсной зелени, или похлѣбку наподобіе нашей лапши; часто варили для насъ уху или соусъ съ рыбою, или похлѣбку изъ ракушекъ; рыбу жарили въ маковомъ маслѣ и приправляли терстою рѣдкою и соею; а когда выпадалъ снѣгъ, то стрѣляли для насъ нарочно оленей и медвѣдей, а иногда зайцевъ. Самое же лучшее

кушанье, по мнѣнію *Японцевъ*, было китовина и сивучье мясо. Работникамъ нашимъ, такъ какъ они бывали въ *Россіи*, приказано было стараться приготовить кушанье на нашъ вкусъ; почему иногда дѣлали они для насъ пирожки изъ ячной муки съ рыбою довольно вкусные, а иногда варили жидкую кашу. Въсполько и были два *Рускія* блюда, которыя они сдѣлашь умѣли. Кормили же насъ по своему обычаю три раза въ день. Для пищи давали теплую или горячую чайную воду, а когда водили въ замокъ, то по возвращеніи давали каждому изъ насъ чашкѣ по двѣ чайныхъ подогрѣшой *саги*; то же дѣлали, когда погода была холоднѣе обыкновенной.

Такъ какъ мы жили почти на открытомъ воздухѣ, а погода стала наступать холодная, то *Японцы* дали и мафрозамъ по большому спальному халату, которыхъ у нихъ прежде не было; а потомъ имъ по одной медвѣжьей кожѣ, а намъ по двѣ, и велѣли сдѣлашь для насъ по скамейкѣ на каждаго для спанья, узнавъ, что *Рускіе* не любящъ спать на полу; мафрозамъ всѣмъ дали одну скамейку, на которой могли бы они сидѣть. Попеченіе *Японцевъ* о насъ, симъ еще не кончилось: зная, что у нихъ мѣста для естественныхъ нуждъ не такъ, какъ у насъ дѣлаются, они хотѣли знать, какъ мы спроимъ ихъ, и пошчасъ велѣли сдѣлашь, хотя точно не потрафили, однакожь довольно близко. Такое вниманіе ихъ къ намъ въ послѣднихъ бездѣлицахъ не очень согласовалось съ жестокостію нашего заключе-

нія, и странность эта была тогда для насъ непоспима.

Здѣсь, кромѣ дежурныхъ чиновниковъ, ежедневно посѣщавшихъ насъ по очереди, былъ еще опредѣленъ къ намъ одинъ непремѣнной, на котораго было возложено попеченіе о нашемъ продовольствіи. Ласковое всѣхъ ихъ съ нами обхожденіе подало намъ поводъ спросить одного изъ чиновниковъ, нельзя ли на задней сторонѣ нашего сарая сдѣлать окна, чтобы мы могли что нибудь видѣть, ибо въ шеперешнемъ положеніи сквозь рѣшетки, кромѣ неба и вершинъ двухъ или трехъ деревьевъ, мы ничего не видали. Онъ намъ въ сей просьбѣ не отказалъ; тотчасъ пошелъ осмотрѣть, гдѣ бы прорубить окно, спросилъ о мѣстѣ для онаго наше мнѣніе, похвалилъ выборъ и ушелъ. Мы уже думали, что окно тотчасъ будетъ сдѣлано, но не шучь-по было; когда же черезъ нѣсколько дней мы повторили нашу просьбу, то чиновникъ въ отвѣтъ сказалъ, что *Японцы* берегутъ наше здоровье и бояшся, дабы мы отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ не простудились; а потому и окна прорубить не лзя. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Октябръ 6, и потомъ почти до исхода сего мѣсяца черезъ день и черезъ два, водили насъ къ Губернатору, и по большой части на весь день, такъ, что и обѣды рабочники намъ студа приносили. Водили насъ въ замокъ и представляли *Бунёосу*, тѣмъ же порядкомъ какъ и прежде; разность состояла только въ томъ, что съ половины Октября (1), когда уже наступили

(1) Первой снѣгъ выпалъ въ *Малинаѣ* ночью съ 14 на 15

холода, *Бунносѣ* сталъ принимать насъ не въ залѣ, а въ судебномъ мѣстѣ, въ другой части замка, которое было точно также устроено, какъ и въ *Хакодадѣ*; гдѣ и рудіи наказанія были такимъ же порядкомъ разложены. Нельзя данъ щету вопросамъ, которые сдѣлалъ намъ *Бунносѣ* въ продолженіе сего времени. Спросивъ о какомъ нибудь одномъ предметѣ, къ нашему дѣлу принадлежащемъ, предлагалъ онъ послѣ стю постороннихъ ничего незначащихъ и даже смѣшныхъ вопросовъ, которые заставляли насъ выходить иногда изъ терпѣнія и отвѣчать ему дерзко. Нѣсколько разъ мы съ грубостію принуждены были говорить ему, что лучше было бы для насъ, если бы *Японцы* насъ убили, но не мучили такимъ образомъ. Напримѣръ, кто бы не вышелъ изъ терпѣнія при слѣдующемъ вопросѣ? при взятіи насъ, у меня были въ карманѣ десять или двѣнадцать ключей отъ моихъ камоновъ и отъ казенныхъ астрономическихъ инструменшовъ. *Бунносѣ* хотѣлъ знать, что въ каждомъ ящикѣ и за какимъ ключемъ лежатъ; а когда я, показавъ на мою рубашку, сказалъ, что въ одномъ сундукѣ такія вещи, то онъ потчасъ спросилъ, сколько ихъ тамъ. Не знаю, отвѣчалъ я съ сердцемъ, это знаетъ мой слуга. Тогда вдругъ послѣдовали вопросы: сколько у меня слугъ, какъ ихъ зовутъ и сколько имъ отъ роду лѣтъ. Потерявъ терпѣніе, я спросилъ *Японцевъ*, зачѣмъ они мучатъ насъ такими

Октябрю, но пролежавъ нѣсколько дней, опять сошелъ; а около половины Ноября выпалъ настоящій снѣгъ и наступила зима.

пустыми разспросами? къ чему имъ все это знать? ни вещей моихъ, ни слугъ здѣсь нѣтъ; они увезены въ *Россію*, и такъ къ чему можете имъ служить все то, о чемъ они насъ спрашиваютъ? На это Губернаторъ сказалъ намъ съ ласкою, чтобъ мы не сердились за ихъ любопытство; они насъ не хотѣли принуждать къ отвѣтамъ, но спрашиваютъ, какъ друзей. Такая вѣжливость насъ тошчасъ успокоивала, и мы, сожалѣя, что отвѣчали дерзко, опять начинали говорить съ нимъ почтительно и съ учтивостію; а онъ, сдѣлавъ намъ вопроса два дѣльныхъ, снова обращался къ пустякамъ и опять заспавлялъ насъ приходиль въ сердце. Такимъ образомъ каждой день мы ссорились и мирились раза по три и по четыре.

Дабы сообщить любопытнымъ, что *Японцы* хотѣли знать и чего намъ стоило объяснять имъ и толковать о разныхъ предметахъ, обращавшихъ на себя ихъ любопытство, помѣщаю здѣсь нѣсколько изъ ихъ вопросовъ, которые составляютъ, я думаю, не болѣе сошой доли всего числа оныхъ. Присемъ надлежитъ помнить, что мы должны были отвѣчать посредствомъ полудикаго *Курильца*, который о многихъ вещахъ, входившихъ въ наши разговоры, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, да и словъ, ихъ означающихъ, на его языкъ не было. Вопросы же свои *Японцы* предлагали, не наблюдая порядка, чтобъ, разспросивъ все объ одномъ предметѣ, приступили къ другому; но, такъ сказавъ, бросаясь ошъ одной вещи къ другой, не имѣю-

щей съ первою никакой связи. Вотъ подлинный образецъ безпорядка ихъ вопросовъ:

„Какое платье вашъ Государь носить?“

„Что онъ носитъ на головѣ (1)?“

„Какія пищи водятся около *Петербурга*?“

„Что спойтишь сшить въ *Россіи* платье, которое
„теперь на васъ?“

„Сколько пушекъ на Государевомъ дворцѣ (2)?“

„Изъ какой шерсти дѣлають сукно въ *Европѣ* (3)?“

„Какихъ животныхъ, пищъ и рыбъ *Рускіе* ѣдятъ?“

„Какъ они пищу приготавлиють?“

„Какое платье носятъ *Рускіе* женщины?“

„На какой лошади Государь вашъ верхомъ ѣздитъ?“

„Кто съ нимъ ѣздитъ?“

-
- (1) Узнавъ, что Г. *Муръ* умѣлъ очень хорошо рисовать, они просили его, чтобы онъ изобразилъ на бумагѣ Государеву шляпу.
- (2) Когда мы имъ сказали, что *Европейскіе* Государи не укрѣпляютъ своихъ дворцовъ и не ставятъ на нихъ пушекъ, то сначала они не повѣрили намъ, а послѣ не мало дивились шаконъ, по мнѣнію ихъ, неоспорожности.
- (3) Сказавъ имъ объ овцахъ, надлежало Г. *Муръ* нарисовать барана, а потомъ козла; наконецъ дошло дѣло до ослонъ, лошаковъ, до каретъ, саней и прочаго; однимъ словомъ, *Японцы* хотѣли, чтобы онъ представлялъ имъ на бумагѣ все то, чего нѣтъ въ *Японіи*, и чего они видѣть въ натурѣ не могли; а какъ они всегда пренебрегли его съ большею учтивостію, то онъ и отказалъ имъ не хотѣлъ, хотя слишкомъ скучно и шрудно было ему удовлетворять всѣмъ ихъ прозьбамъ. Къ счастью его, онъ могъ рисовать очень скоро и свободно.

- „Любятъ ли *Рускіе* *Голландцевъ*?“
 „Много ли иностранцевъ въ *Россіи*?“
 „Чѣмъ кто торгуешь въ *Петербургѣ*?“
 „Сколько сажень въ длину, ширину и въ вышину
 „имѣешь Государевъ дворецъ (1)?“
 „Сколько въ немъ оконъ?“
 „Какое вы получаете жадованье?“
 „Давноли въ службѣ?“
 „За что чины получали?“
 „Сколько разъ въ день *Рускіе* ходятъ въ церковь?“
 „Сколько у *Рускихъ* праздниковъ въ году?“
 „Носятъ ли *Рускіе* шелковое платье?“
 „Какихъ дѣтъ женщины начинаютъ рожать въ
 „*Россіи* и въ какія дѣта переспають?“

Сверхъ того спрашивали они имя нашего Государя и всѣхъ членовъ Императорской фамиліи, имена *Сибирскаго* Генераль-Губернатора, *Иркутскаго* Губернатора, *Охотскаго* и *Камтатскаго* Начальниковъ и проч. и проч.

- (1) На отвѣтъ нашъ, что мы этого не знаемъ, *Японцы* просили сказать хотя примѣрно. То же дѣлали они и при всѣхъ другихъ вопросахъ, когда мы ошговаривались незнаціемъ; и даже упорностію своею нерѣдко сердили насъ, требуя настоятельно, чтобы мы сказали имъ примѣрно то, чего мы совсѣмъ не знаемъ; на примѣръ: число портовъ во всей *Европѣ*, гдѣ спроятся корабли, или сколько во всей *Европѣ* военныхъ и купеческихъ судовъ. Можно было сказать имъ наугадъ, но принадлежало въ такомъ случаѣ все это помнить, ибо они всѣ отвѣты наши записывали, и спрашивали объ одной и той же вещи раза по два и по три, только въ разное время и другими порядкомъ.